

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЛОВА С УНИКАЛЬНЫМИ МОРФЕМАМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Бочаровой Елены Михайловны

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Плотникова Л.И.

Рецензент –
обозреватель отдела новостей
сетевого издания Fonar.tv
Шкреба О.А.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. УНИКАЛЬНЫЕ МОРФЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
1.1. Проблема выделения уникальных частей слова.....	11
1.2. Принципы выделения уникальных морфем.....	23
1.3. Источники и пути возникновения уникальных морфем.....	37
1.4. Проблема разграничения уникальных корней и уникальных аффиксов.....	39
Глава II. ТИПОЛОГИЯ УНИКАЛЬНЫХ МОРФЕМ	
2.1. Уникальные морфемы в исконно русских словах.....	44
2.2. Уникальные морфемы в заимствованных словах.....	54
2.3. Уникальные корни и аффиксы в этимологически сложных исконно русских и заимствованных словах.....	59
2.4. Изучение слов с уникальными морфемами в школе	65
Заключение.....	74
Список использованной литературы	77

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XX века в поле зрения отечественных и зарубежных лингвистов находилась проблема выделения уникальных частей слов. В большинстве работ подобного рода части слова рассматривались как такие компоненты, которые отмечаются только в отдельных словах, например: *малин-а, стекл-ярус* и др.

Однако ряд ученых придерживается другой точки зрения, справедливо полагая, что уникальные компоненты слова повторяются в однокоренных словах, например: *малиновый, стеклярусный* и т.д. Это даёт основание считать уникальными те части слова, которые повторяются в сочетании с одним и тем же корнем или деривационным аффиксом.

Многие исследователи уникальные части слова называют «нерегулярными». Тем самым такие морфемы противопоставляются регулярным, т.е. тем, которые постоянно воспроизводятся в составе членимых слов. К нерегулярным относят преимущественно служебные морфемы, т.е. встречающиеся в слове однократно или от случая к случаю. Чтобы различать регулярные и единичные морфемы, последние называют «уникальными».

В современном русском языке ведется дискуссия по поводу существования унификсов, и связана она прежде всего с вопросом определения морфемы как единицы языка и с ее особенностями.

Значимым для данного исследования является учение И.А. Бодуэна де Куртенэ, к которому восходит современное понимание морфемы. Ученый рассматривал морфему как «далее неразложимый морфологический элемент языкового мышления» и считал этот термин родовым, объединяющим все части слова [Бодуэн де Куртенэ, 1963б].

Современные исследователи С.И. Богданов, Т.В. Булыгина, В.В. Лопатин, В.Н. Немченко, Г.А. Пастушенков и др. разделяют точку зрения И.А. Бодуэна де Куртенэ, но при этом дополняют список признаков

морфемы, называя минимальность, дальнейшую нечленимость на значимые части; связанную выделяемость в плане выражения и содержания в составе слова, т.е. отсутствие у морфемы синтаксической самостоятельности, способность морфемы повторяться только в составе слова; знаковый характер части слова (морфема – формально-семантическое единство).

В современной лингвистике проблема выделения единичных частей слова решается неоднозначно. Это связано с признаком повторяемости, который одни исследователи относят в число обязательных свойств морфемы, а другие – нет. Таким образом, существование в современном русском языке унификсов зависит от принципов выделения частей слова в целом.

В современном русском языке вопрос о наличии уникальных морфем рассматривался как составная часть таких важнейших тем морфематики и словообразования, как определение морфемы, членимость и производность слов, методы установления семантики частей слова, типология морфем русского языка и т.д. Вопрос, решаемый в данном исследовании, имеет и самостоятельную научную значимость.

Актуальность разноаспектного исследования слов с уникальными морфемами связана с усилившимся в последнее время в языкознании интересом к единичным фактам и нерегулярным явлениям в области словообразования и морфематики, что привело к стремлению ученых выделить в языке асистемные явления из числа системных, периферийную и центральную части языковой системы, определить их позиции в словообразовании и морфематике, установить границы языковой системы и ее подсистем в синхронии. Однако практика показывает, что система представляет собой закономерную связь всех ее однородных элементов, а, по мнению некоторых исследователей, нечастотные явления в современном русском языке не относятся к языковой системе.

В области морфематики исследователями предпринята попытка разделить инвентарь частей слова на центральный и периферийный, при этом

одни морфемы именуются аномальными, единичными, мертвыми, нерегулярными, непродуктивными, редкими, служебными, уникальными и т.п., другие – активными, наиболее частотными, продуктивными, регулярными и т.д.

Большое значение исследованию проблемы выделения единичных морфем придавали в своих трудах такие ученые, как Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Н.Д. Голев, В.Г. Головин, Е.А. Земская, Н.А. Крылов, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, Ю.С. Маслов, М.А. Михайлов, А.И. Моисеев, В.Н. Немченко, М.В. Панов, З.А. Потиха, А.А. Реформатский, А.И. Смирницкий, А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов, Н.М. Шанский, И.А. Ширшов, Н.А. Янко-Триницкая, М.Н. Янценецкая и другие лингвисты.

Некоторые ученые считают, что изучение периферийных явлений языка является важной и поэтому необходимой составляющей современных исследований. Так, по мнению Е.С. Кубряковой, «сильные стороны того или иного синхронного описания усматривают в том, что оно строится не как голая схема, а как отражение реальной языковой данности, то есть с учетом тенденций развития, с учетом нерегулярных форм, всякого рода маргинальных образований и пристальным вниманием к единицам с неустойчивым и неопределенным статусом» [Кубрякова 1968: 119].

Научные труды, которые появились в конце XX – начале XXI в., способствовали тому, что проблемы, связанные с изучением единичных частей слов, стали актуальными, поскольку возникли новые пути их решения. Многоплановость и многосторонность слов с уникальными морфемами определяют цель и задачи данной работы.

Цель исследования – обосновать статус нерегулярных частей слов в области морфематики и системно описать унификсы современного русского языка.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**: – уточнение понятия единичной части слова с опорой на имеющиеся в науке

определения морфемы и ее признаки;

– анализ принципов выделения унификсов с учетом их формы и значения, степени их отличия от продуктивных частей слова;

– установление источников и путей возникновения уникальных морфем;

– выделение критериев разграничения единичных корневых и аффиксальных частей слова;

– рассмотрение вариантов изучения слов с уникальными морфемами на уроках русского языка.

В современной науке имеется большое количество нерешенных вопросов, которые связаны с исследованием уникальных морфем. Например, в современном русском языке не определен состав единичных частей слов, отсутствует их полное, системное описание. Нельзя не согласиться с мнением исследователя Г.П. Цыганенко, который считает, что в последнее время наука не располагает полным инвентарем уникальных морфем. Обычно слова с единичными частями представлены вне какой-либо системы, т.е. выборочно [Цыганенко 1978: 47]. Отсутствие перечня нерегулярных частей слов отчасти связано с тем, что в науке не существует четких критериев определения статуса унификсов в слове и дифференциации регулярных и единичных морфем, а также нет единых принципов выделения частей слова. В некоторых случаях проблематичной является квалификация уникальных корневых или аффиксальных частей слов. Следует уточнить и развить существующие классификации единичных морфем с учетом степени их отличия от продуктивных частей слов. **Новизна** данной работы определяется решением поставленных задач.

В диссертации предпринята попытка определить границы такого многостороннего и многопланового объекта, как унификсы. Описание нерегулярных морфем осуществляется с учетом результатов анализа морфемного и словообразовательного слоев языка. Поэтому системные отношения нерегулярных частей слов исследуются в области морфематики и словообразования в разных аспектах.

Результатом исследования является системное описание унификсов, разработанные аспекты типологии единичных частей слова с учетом их формы и семантики. Также в системе частей слов современного русского языка определено место уникальных морфем, а слов с нерегулярными частями – в словообразовательной системе языка.

Данная работа способствует и решению некоторых частных вопросов словообразования и морфемики, которые связаны со свойствами морфемы как единицы языка, с парадигматикой и синтагматикой частей слов, а также с многозначностью, синонимией и омонимией морфем, степенью членимости и производности слова, с соотношением этимологического, морфемного и словообразовательного видов анализа.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в лексикографической практике при создании словообразовательных словарей и словарей морфем, а также в школьных программах по русскому языку.

При отборе в качестве **объекта исследования** были взяты слова с уникальными корневыми частями и словообразовательными аффиксами, которые широко представлены в «Словаре уникальных морфем современного русского языка», «Сводном словаре современной русской лексики», в котором отражены слова толковых словарей XX века, а также в «Обратном словаре русского языка». Помимо указанных справочников были использованы «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» и «Словарь морфем русского языка». При анализе **семантической и этимологической сторон слова с уникальными морфемами**, что является **предметом** исследования, привлекались данные современных толковых, этимологических, словарей заимствованных слов и других справочных изданий. Перечень анализируемых слов с уникальными частями хоть и ограничен рамками общеупотребительной лексики русского языка, однако включает специальные и просторечные слова, которые широко представлены в современных толковых справочниках.

Теоретическая база данного исследования включает положения А.А. Потебни, которые ориентировали на анализ непосредственных смысловых и структурных связей между производным и производящим. «Появление данного слова предполагает существование предыдущего; это, в свою очередь, возникает из другого и т.д.» [Потебня: 1958, 21]. Отсюда следует, что любое следующее слово представляет собой более сложное образование, чем предыдущее. Огромное значение для разработки принципов членения слов имело учение Ф.Ф. Fortunatova, основанное на способности «отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова» [Fortunatov: 1956: 136]. Во второй половине XX века данный подход был отражен в трудах Г.О. Винокура, которые внесли огромный вклад в становление и развитие словообразования и остаются актуальными в наше время.

Ученый был против членения слов на части формально: «неправильно было бы думать, будто морфологический анализ слов есть дело механическое, основанное исключительно на дроблении звуковой формы слова согласно звуковым тождествам, отыскиваемым для каждого соответствующего отрезка» [Винокур: 1959, 423-424]. Г.О. Винокур отдавал предпочтение выделять аффиксы в словах не только по принципу «производное – производящее», но и с помощью соотнесения производных основ на основании тождества производящих.

В науке выделяется и другой подход к морфемному членению слова, который признает членимыми и непроезводные слова. Данный метод анализа называется сопоставительным.

Основным методом исследования является **описательно-аналитический**, представляющий собой синхроническое сопоставление фактов словообразовательной системы языка, так как только путем сравнения изучаемых фактов с системными явлениями в синхронном плане можно выделить и описать уникальные морфемы.

Также в работе был применен **метод синхронно-диахронного**

сопоставления, который необходим для определения статуса (корневого или аффиксального) нерегулярных морфем слова с учетом их происхождения.

Метод компонентного анализа помог определить значение частей слова. И.С. Улуханов использует этот подход при определении значения единичных частей слов: если уникальный отрезок выделяется только в одном слове, то он несет в себе ту семантику, которая осталась при «исключении» из слова его мотивирующей части. В тех случаях, когда членимое слово является немотивированным, в его значении выделяются два компонента: значение, которое выражается аффиксом, и вся остаточная часть лексического значения, которую после выделения аффикса возможно приписать оставшемуся компоненту.

Также в исследовании при установлении словообразовательной, морфемной структуры слов, их этимологии использовались различные виды анализа: **словообразовательный, морфемный, этимологический**.

Апробация работы. Положения диссертационного исследования в форме статьи «Статус и роль слов с уникальными морфемами в современном русском языке» опубликованы в сборнике по итогам Международной научно-практической конференции «Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности» 09.11.2017 года.

Предлагаемая магистерская диссертация включает, помимо введения, две главы, заключение, список использованной литературы.

В первой главе «Уникальные морфемы в русском языке» рассматриваются положения о морфемном статусе унификсов, анализируются принципы выделения морфем, которые представлены в современной науке, дается описание соотношения словообразовательного и морфемного видов анализа, показывается, как связаны производность и членимость слов, предлагаются критерии разграничения уникальных корней и аффиксов, в системе приводятся факторы, которые влияют на выделение в словах единичных частей.

Во второй главе «Типология уникальных морфем» описаны

существующие в науке подходы к типологии уникальных морфем и представлены в виде классификации с учетом степени их отличия от регулярных морфем.

Результаты настоящего исследования, которое связано с определением границ единичных частей слов и их типологией, нашли отражение в рекомендуемых заданиях по изучению слов с уникальными морфемами на уроках русского языка в школе.

Глава I. УНИКАЛЬНЫЕ МОРФЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Проблема выделения уникальных частей слова

Вопрос о возможности наличия в слове уникальных корневых или аффиксальных морфем решается в лингвистике по-разному и связан с принципами выделения морфем.

В сравнении с частотными морфемами, имеющими положительную выделяемость (они воспроизводятся в других словах, а также сочетаются с различными регулярными частями слова), служебные компоненты обладают так называемой остаточной выделяемостью из состава слова (они не имеют формально-семантических аналогов в других словах, и их граница определяется позицией соседнего сегмента).

При членении слова по принципу «производное – производящее» возможны нерегулярные части в позиции аффикса и невозможны в позиции корня.

Членение слова на части осуществляется только по линии производящей основы (корня), поэтому непрямые слова оказываются нечленимыми. Отрицание членимости непрямых слов на основании общности аффиксальной части неизбежно приводит и к отрицанию уникальных корней. Так, критерием правильности членения основы слова для Г.О. Винокура является наличие у выделяемой части значения: «если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звуко сочетание, то выделение произведено неправильно» [Винокур 1959: 421]. Соответственно Г.О. Винокур отрицает наличие значения у остаточных корней. «В известном смысле может показаться «естественным» в словах вроде *малина*, *смородина* выделить звуко сочетание *ин* и приписать ему функцию обозначения ягоды. Но так как остающиеся после такого выделения звуко сочетание *мал*, *смород* сами по себе лишены функции, ссылкой на которую можно было бы

объяснить разницу между ягодами малиной и смородиной, то суффикса *-ин-* в данных словах не существует. Ясно, что разница между названными ягодами как известными предметами действительности передана в языке разницей цельных слов *малина*, *смородина*, а не разницей комплексов *мал*, *смород*, которые сами по себе ничего не значат» [Винокур 1959: 421]. «В слове *буженина* нет суффикса *-ин-*, обозначающего мясо, потому что понятие мяса здесь обозначено словом *буженина* как целым. Между тем в словах *конина*, *свинина*, ... *лососина* и других соответственных комплексов *ин* означает не просто мясо, а непременно мясо того животного, которое названо в первичной основе. Такую функцию нельзя приписать комплексу *ин* в слове *буженина* по той простой причине, что нет никакого животного, которое обозначалось бы в русском языке комплексом *бужен*» [Винокур 1959: 422].

С другой стороны, Г.О. Винокур сомневается в применимости такого подхода к суффиксам: «можно задать вопрос, в самом ли деле не может существовать суффикс, встречающегося только в одном слове, или это только кажется так? По-моему, это и в самом деле только кажется так» [Винокур 1959: 426]. При анализе слова *настух* Г.О. Винокур приходит к выводу, что «есть только одно несомненное слово в современном литературном языке, имеющее суффикс лица *-тух*, именно *настух*. Но от этого данный суффикс не перестает быть суффиксом, а соответствующая основа, что самое существенное, не перестает быть основой производной» [Винокур 1959: 427].

Позиция ученого, которая подтверждает существование уникальных аффиксов, поддерживается и другими исследователями. Так, по мнению Н.М. Шанского, «для расчленения основы слова на морфемы не обязательно наличие двух соотносительных рядов, достаточно и одного, однако в таком случае только соотносительного ряда корневых морфем, но никоим образом не служебных» [Шанский 1968: 54]. «Поэтому производных слов и основ с изолированными, единичными, только в них выделяющимися и существующими непродуцированными основами нет и быть не может, но есть

производные основы и слова, в которых выделяются только в их составе живые сейчас аффиксы» [Шанский 1968: 53].

Н.М. Шанский выступал против «примысливания» носителями языка семантики отдельных частей слов на основе субъективных ассоциаций «рифмующегося» звукового отрезка в словах приблизительно одного и того же «семантического поля». Ученый критиковал А.И. Смирницкого за наделение значением *ягода* отрезка *-ин-* в словах *малина*, *смородина*: «признание за звуковым отрезком *-ин[a]* в словах *малина*, *смородина* значения суффикса опирается на чисто фонетическое совпадение конца основы у ряда слов одного семантического плана» [Шанский 1968: 62]. Ведь если быть последовательным в применении отмеченного принципа А.И. Смирницкого, то необходимо будет выделить не только суффикс *-ин-* со значением *ягода* в словах *малина* и *смородина*, но и омонимичные ему суффиксы со значением *болезнь* в словах *ангина*, *скарлатина*, со значением *корабль* в словах *берлина*, *бригантина*, со значением инструмента в словах *рейшина*, *струбцина*, конкретного предмета в словах *гардина*, *витрина*, *пружина*, *картина* и др., вместилища в словах *кабина*, *корзина* и т.д., так как у всех названных слов имеется и данный звуковой отрезок, и общие признаки, по которым их можно отнести к одной группе явлений» [Шанский 1968: 58].

Против членения слов типа *малина* выступает и М.В. Панов: «выделить *мал* невозможно потому, что он окажется совершенно бессмысленным» [Панов 1992: 93]. А.И. Смирницкий предлагал выделить именно *мал*, приписав этому корню такое значение: «те признаки, которые отличают малину от других ягод». Но эти признаки различно отражаются в сознании разных людей, а языкового их выделения слово *малина* не дает: ср. *черника*, *костяника*.

По мнению других исследователей, морфемы, вычленяемые «остаточно», т.е. такие, как *бужен-* в *бужен-ин-а*, «значимы лишь постольку, поскольку их значение имплицитруется структурой словоформы и значениями

соседних морфем. А это неизбежно делает их семантически неопределенными. Считается <...>, что на долю *бужен-* приходится та часть значения лексемы, которая остается за вычетом значения аффикса *-ин-*. Но в чем состоит это значение? Чему оно подобно – значению соответствующей части таких лексем, как *свинина* или таких, как *солонина!* Без знания этимологии слова *буженина* судить об этом можно только предположительно» [Вардуль 1991: 37].

В лингвистике выделяют и другой подход к членению слова на части, который называется сопоставительным методом морфемного анализа, согласно ему членимыми признаются и непроемные слова, однако вопрос о наличии в слове уникальных морфем рассматривается представителями этого метода неоднозначно.

Одним из наиболее ярких представителей сопоставительного подхода к морфемному анализу слова, противоположного взглядам Г.О. Винокура на членение слова, был исследователь А.И. Смирницкий, который полемизировал с Г.О. Винокуром (полемика эта получила название «спор о буженине»), выступая против «неравноправия» уникальных основ и нерегулярных суффиксов. Данное «неравноправие» Г.О. Винокур, по словам Ю.Д. Апресяна, объяснял различием в значениях корневых и аффиксальных морфем. «Значение аффикса является чисто дифференциальным и устанавливается в противопоставлениях типа *нас-ти* – *нас-тух*, а для установления значения основы ее надо соотнести не с другой основой, а с чем-то вне языка, ее значение является не дифференциальным, а вещественным. Поскольку не известно, какой предмет реального мира обозначается элементом *бужен-*, *мал-* или *смород-*, его нельзя выделить в качестве непроемной основы слов *буженина*, *малина*, *смородина*. Чтобы выделить эти элементы, необходимо существование хотя бы еще одного слова, где встречается данная основа» [Апресян 1966: 92].

А.И. Смирницкий исходил из того, что и у корней, и у аффиксов имеется дифференциальное значение, как и некоторое вещественное,

поэтому корень и аффикс в составе основы рассматривались им на равных основаниях. Ученый утверждал, что «в словах или их основах те или другие морфемы должны выделяться вообще как морфемы – на основании одних и тех же принципов, причем как для выделения аффикса, так и для выделения корня (непроизводной основы или вообще более простой основы) достаточно одного ряда слов, отвечающего определенным требованиям» [Смирницкий 1948: 25].

Таким образом, для членения слова достаточно положительной выделяемости лишь одной из частей, чтобы другой остаточным выделяемым компонентом можно было признать морфемой. «При этом наличие значения у одного из звуковых отрезков будет свидетельствовать о наличии значения и у другого, а отсутствие значения у одного из них – об отсутствии его и у другого» [Смирницкий 1948: 23]. В словах *малина*, *смородина* А.И. Смирницкий определяет значение отрезка *-ин-* следующим образом: «в основах этих слов имеется общий им звуковой отрезок *-ин-*, вместе с тем оба слова обозначают ягоды, то есть относятся к предметам, обладающим известными, общими им признаками, к предметам одного класса. Поэтому общий данным основам звуковой отрезок *-ин-* представляется не случайно одинаковым в них, но осмысленно одинаковым, он наполняется определенным значением «ягоды» и тем самым оказывается морфемой» [Смирницкий 1948: 23]. Если в *малина* и *смородина* *-ин-* значит «ягода», то *мал-* и *смород-* значат «то в малине и смородине, что отличает их друг от друга и от прочих ягод» [Смирницкий 1948: 24]. По словам Р.И. Лихтман, А.И. Смирницкий развивает теорию Г.О. Винокура, уравнивая лишь в «правах» корни и аффиксы при подходе к членению основ [Лихтман 1991: 29].

Таким образом, А.И. Смирницкий обосновывает существование как единичных корней, так и уникальных аффиксов, поскольку для членения слова достаточно одного ряда слов, соотносительных либо по корню, либо по

аффиксу. Данная позиция ученого поддерживается и другими исследователями.

Н.Д. Арутюнова критиковала концепцию Г.О. Винокура. «Конечно, семантика основы и значение аффиксов существенно отличаются по своему характеру и объему. Однако эта разница не настолько велика и принципиальна, чтобы помешать суммированию этих величин в единой семантике слова» [Арутюнова 1961: 45].

В зарубежной лингвистике точка зрения на эту проблема представлена в работах таких ученых, как Л. Блумфилд, Д. Гринберг: «если мы установили, что одна часть анализируемой формы является морфом, то и другая часть – тоже морф» [Гринберг 1963: 84].

Многими отечественными лингвистами признается остаточная выделяемость как аффиксальных, так и корневых морфем. Например, ученый Л.П. Крысин считает, что корни и аффиксы должны выделяться на одинаковых условиях: «...если для вычленения унификса достаточно ряда слов с повторяющейся корневой морфемой, то, по-видимому, для вычленения уникального корня достаточно ряда слов с повторяющейся аффиксальной морфемой, обладающих единством значения» [Крысин 1975: 228]. Так, значение уникальных корневых морфем в словах *бульдозер*, *футбол* Л.П. Крысин определяет следующим образом: «...*бульдоз-* в слове *бульдозер* значит то, чем эта машина отличается от других машин, называемых словами с тем же суффиксом *-ер* (*скрепер*, *грейдер*), *фут-* в слове *футбол* значит то, чем футбол отличается от других видов спортивных игр в мяч, называемых словами с суффиксом *-бол*» [Крысин 1975: 229].

По словам С.И. Богданова, «для осуществления членения слова необходимо, чтобы выделение хотя бы одного компонента его структуры опиралось на аналогию» [Богданов 1984а: 165].

Вместе с тем, признавая возможной остаточную выделяемость единичных частей слова в корневой и аффиксальной позиции, далеко не все исследователи считают данные единичные части морфемами. Так,

соглашаясь с М. Докулилом в том, что «принципиальная членимость основы зависит <...> от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну составляющую часть, встречающуюся с тем же значением и в других, реально в языке существующих словах» [Докулил 1987: 27], ученый В.С. Гимпелевич разграничивает членимость и морфемный анализ слова: «членимость как выделение в основе хотя бы одной составляющей части, встречающейся с тем же значением и в других словах, предшествует морфемному анализу» [Гимпелевич 1975: 194] и не признает уникальных морфем: «...статус остаточного элемента основы нельзя определить как морфемный» [Гимпелевич 1972б: 198]. М.Д. Степанова отказывает остаточным элементам в морфемном статусе, так как, по ее мнению, они не имеют ни значения, ни функции корней или аффиксов [Степанова 1963: 22]. М.Б. Панов уникальные аффиксальные части называет мнимыми морфемами, а единичные корни – псевдоединицами.

Некоторые представители сопоставительного метода, отрицая уникальность аффиксов, признают существование нерегулярных корней. Е.С. Кубрякова, утверждая, что «четкой выделимости хотя бы одного элемента в форме достаточно для того, чтобы признать ее членимой в целом» [Кубрякова 1970: 83], в то же время отмечает дефектную членимость слов с единичными частями и называет последние квазиморфемами, указывая, однако, что уникальность корневых элементов не может служить доводом против их рассмотрения в качестве корней, тогда как уникальность служебных единиц – препятствие при их отождествлении в качестве аффиксальных.

По мнению Е.А. Земской, «единичные отрезки <...> из состава слова вычлениваются, так как часть, предшествующая им, встречается с тем же значением в других словах» [Земская 1973: 54]. Исследователь в своих работах уникальные корни называет унирадикасидами, а уникальные аффиксальные части – унификсами, отрицая морфемный статус последних. «Одно из основных принципиальных различий между аффиксальными и корневыми морфемами – обязательная повторяемость первых в аналогично

построенных и обладающих общим элементом значения слова и безразличие к этому свойству вторых» [Земская 1973: 58].

А.Н. Тихонов также отмечает, что признак повторяемости «охватывает только аффиксальные морфемы», корни же «могут быть и единичными (например, *авеню, варьете, боа, цеце, ведь, вдруг, бюро* в составе других слов не встречаются)» [Тихонов 1985а: 18]. Отрицая уникальность аффиксальных частей слова, А.П. Тихонов пишет: «...не относятся к морфемам единичные части слов, которые входят в состав одного-единственного слова и выделяются лишь на фоне однокоренных слов» [Тихонов 1971а: 49].

Другие представители сопоставительного подхода склонны признавать нерегулярные аффиксы и отрицать уникальные корни. Так, по мнению И.Г. Милославского, в словах типа *буженина* «корневая часть едва ли может рассматриваться как элемент, имеющий самостоятельное значение». А у слов типа *малина* «весьма проблематично наличие самостоятельного значения и корня и суффикса» [Милославский 1980: 25]. Слова же с уникальными отрезками в аффиксальной позиции «разлагаемы на такие части, каждая из которых может иметь самостоятельное значение» [Милославский 1980: 25].

Вопрос о служебных морфемах решается по-разному в современной лингвистике в зависимости от того, включается ли в число обязательных признаков морфемы признак повторяемости. Так, например, С.И. Богданов свойство повторяемости считает обязательным для корневых морфем.

По мнению М.В. Панова, «определенный фонемный отрезок в слове может быть выделен как особая морфема лишь в том случае, если он встречается в нескольких, минимум – в двух словах, и притом встречается с тем же значением. Это необходимое и достаточное условие для выделения морфемы» [Панов 1969: 274].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «часть слова выделяется как морфема, если встречается с тем же значением в другом лингвистическом окружении» [Кубрякова 1970: 79].

Повторяемость одних и тех же морфем в разных словах в одной и той же функции К.А. Тимофеев считает их важным признаком: «...в качестве морфемы в анализируемом слове можно выделить только такой его звуковой отрезок, который, обладая определенной смысловой функцией в данном слове, встречается в аналогичной функции и в ряде других слов» [Тимофеев 1993: 16].

По словам В.И. Максимова, остаточные звуковые комплексы в позиции суффикса, «если они не находят опоры, соответствия в системе русского словообразования», <...> должны быть признаны не суффиксами или суффиксоидами, а пустыми звукосочетаниями, ничего не значащими морфосегментами, фактами «лингвистической мифологии», по выражению В.А. Богородицкого» [Максимов 1977: 30].

В современной науке в то же время некоторые ученые, признавая повторяемость важным признаком морфемы, вместе с тем не отрицают наличия в языке непродуктивных частей слова: «существование уникальных корневых (*брусника*) и аффиксальных (*стеклярус*) морфем обусловлено тем, что они выступают в связи с неуникальными, повторяющимися морфемами. Нельзя себе представить сочетание, состоящее из двух уникальных морфем» [Пастушенков 1998: 23].

Таким образом, вопрос об обязательности для морфемы признака повторяемости связан с вопросом о специфике семантики морфем и способа ее установления. Как отмечает М.А. Михайлов, те исследователи, кто отрицает уникальные части слова, устанавливают семантику морфем на основе формально-семантического тождества, а те, кто признает служебные морфемы, выявляют значение частей слова на основе семантической разности. Повторяемость оказывается обязательным свойством морфемы в тех случаях, когда значение последней определяется способом парадигматического отождествления. Применение же метода семантического вычитания к определению значения морфемы не требует обязательной их

повторяемости и возможно при установлении семантики единичных частей слова, что свидетельствует о морфемном статусе последних.

В.Г. Головин, Ю.С. Маслов, В.Н. Немченко, М.Н. Янценецкая и др. не считают признак повторяемости обязательным для морфемы: «...от морфемы не требуется, чтобы она была рекуррентной, т.е. встречалась бы в нескольких разных комбинациях с другими морфемами. Помимо рекуррентных (мультивалентных) морфем есть и уникальные (унивалентные), представленные всегда только в одном определенном морфосочетании и тем не менее морфологически выделяемые» [Маслов 1978: 5]. По мнению В.Г. Головина, который ставит принципы анализа слова в зависимость от его структуры, «повторяемость – это не свойство аффиксов, а иллюзия, создающаяся несоответствием конструкции слова и принципа, используемого для его анализа» [Головин 1991: 126]. Если понимать значение морфемы как следствие повторяемости, то окажется, что значение аффикса – «это не его свойство, проявляющееся в слове, а ассоциативный признак, появляющийся в результате повторяемости» [Головин 1991: 124]. На самом же деле значение аффиксов «является их свойством, а не возникает в результате повторяемости» [Головин 1991: 126].

Таким образом, уникальный характер частей слова вовсе не свидетельствует об отсутствии у них значения и, следовательно, морфемного статуса. Г.О. Винокур при анализе слов с нерегулярными суффиксами отмечает: «...во всех подобных нерегулярных образованиях звуковые комплексы, могущие быть выделенными в них в качестве суффиксов, представляют собой подлинные звуковые единства, т.е. имеют значения, устанавливаемые нами совершенно так же, как устанавливаются значения суффиксов в образованиях, построенных по продуктивным и регулярным моделям» [Винокур 1959: 427]. Таким образом, «нерегулярные аффиксы возможны и существуют лишь в структуре конкретного слова. Их значение совершенно определенно устанавливается только путем уяснения связей и соотношений содержащих их слов с соответствующими им родственными

словами и сравнения с регулярными моделями словообразования» [Шанский 1968: 142]. Наличие в современном русском языке функциональных моделей и определяет выделение единичных морфем, которые встречаются только в одном слове.

Все исследователи, начиная с Г.О. Винокура, рассматривают уникальные аффиксальные части как словообразовательные аффиксы, а слова с подобного рода элементами считают производными. Значение уникальных аффиксов сводится к выражению отношения производного слова к производящему. Данное значение поддерживается и наличием в современном русском языке семантических отношений, аналогичных тем, которые связывают производящее и производное с уникальным аффиксом, но выраженных стандартными средствами.

Одно из отличий единичных частей слов от аффиксальных морфем Е.А. Земская видит в том, что «они не являются строительным материалом для образования новых слов, а лишь вычлняются из состава отдельных, нетипичных по своей структуре слов, не могут производиться в речи, а только воспроизводятся» [Земская 1973: 54-55].

Современные исследователи указывают на возможность перехода уникальных морфем в разряд регулярных. Вместе с тем ученые справедливо отмечают ущербность единичных аффиксов в отличие от регулярных. Н.Д. Арутюнова, Г.О. Винокур, В.Г. Головин, Н.А. Янко-Триницкая и многие другие признают уникальные аффиксы, однако, признавая уникальность суффиксов, не все из этих ученых выделяют уникальные префиксы. В отличие от суффиксов, префиксы более «лексичны» по своему значению. Они прибавляются к целому слову и лишь в определенной степени изменяют его семантику, внося в него дополнительный номинативный элемент значения. Уникальным суффиксам всегда можно приписать какое-либо категориальное значение, выражаемое в современном русском языке суффиксально (ср.: *стекл-ярус* и *мед-як*, *ват-ник*), а единичным префиксам в силу меньшей степени обобщенности их семантики и большей

независимости от частеречной характеристики производного слова трудно приписать категориальное значение. Уникальность префиксов отрицается из-за невозможности приписать единичным частям в позиции префикса значение, обычно выражаемое в языке префиксально. Тем не менее в ряде случаев уникальным префиксальным частям можно найти семантические аналоги среди неуникальных префиксов (ср.: *ба-хвалиться* (прост., кичливо, неумеренно хвастаться) и *за-хвалить, переснеет*), что способно свидетельствовать в пользу морфемного, аффиксального статуса таких частей.

Все сказанное выше в пользу морфемного статуса единичных частей слова в большей мере относится к уникальным аффиксам, нежели к нерегулярным корням. Уникальные корни могут выступать в свободном виде в составе одиночных слов, не входящих в словообразовательные гнезда. Таких слов в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова более пяти тысяч.

В современной лингвистике преобладает подход, признающий существование мономорфемных слов, хотя некоторые лингвисты считают подобные слова нечленимыми. Что же касается мономорфемных слов, содержащих нерегулярные корни, то исследователи, отрицающие уникальность корней, не считают подобные слова корневыми.

Если служебный аффикс выделяется в результате установления соотношения производного слова, содержащего данную часть слова, с его производящим, а семантика уникального аффикса определяется методом семантического вычитания, то связанный уникальный корень может быть выделен подобным образом тогда, когда он находится в составе сложного слова. Связанный уникальный корень в составе простого слова выделяется только путем сопоставления этого слова и слов с тождественной аффиксальной частью. Членимость слов со связанными единичными корнями осознается в меньшей степени, чем членимость слов с уникальными аффиксами, так как выделение аффиксальных компонентов в словах с

остаточными корнями связано с известной долей субъективизма при определении аффиксальной семантики.

Следует отметить, что даже отдельные сторонники формально-сопоставительного подхода к морфемному членению слова считают одиночные корни ущербными в силу отсутствия у них формально-семантических связей в системе языка, ибо основная функция корня – функция опоры мотивировки, а единичные корни, представленные всего в одном слове, не выполняют функцию носителя мотивировки, показателя связи лексических единиц. У единичных частей в позиции корня больше оснований быть выделенными в качестве корневых морфем в сложных словах, чем у служебных частей в одиночных или производных словах.

Таким образом, членимость слов с уникальными корнями является более слабой, чем членимость слов с нерегулярными аффиксами. При членении же слов с опорой на словообразовательные отношения с учетом мотивирующей функции корня простые слова с уникальными корнями следует признать нечленимыми, выделяя связанные нечастотные корни только в сложных словах.

1.2. Принципы выделения уникальных морфем

Существует большое количество методов членения слов на части. Их многообразие можно свести к двум основным. Достаточно обоснованным и широко признанным является такой подход, при котором морфемное членение слова осуществляется с учетом словообразовательных отношений данного слова, опирается на установление словообразовательных связей данного слова с другими. По мнению исследователей, широкое распространение получил метод сегментации слов на морфемы, опирающийся на понятие словообразовательной пары [Богданов, 1984а]. Различные точки зрения по этому поводу можно найти в работах А.А. Потевни, М.М. Покровского, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого, Ф.Ф. Фортунатова.

Так, И.Ф. Калайдович рассматривал производные слова как происходящие от первообразных. Ученый был близок к вычленению аффиксов через посредство соотношения производного слова с производящим: «чтобы возвратиться к корню слова, должно отделять сии этимологические приставки одну за другою» [Калайдович 1834: 88].

Положения А.А. Потебни ориентировали на анализ непосредственных смысловых и структурных связей между производным и производящим: «...появление данного слова предполагает существование предыдущего; это, в свою очередь, возникает из другого и т.д.» [Потебня 1958: 21], следовательно, «всякое последующее слово есть более сложное произведение, чем предшествующее» [Потебня 1958: 52].

Н.В. Крушевский одним из условий членимости считал тот факт, что членящееся слово должно иметь в языке и соответствующее слово без аффикса – по сути производящее слово; суффикс выделяется, «когда звуковой комплекс, к которому он присоединяется, находится в языке и без этого суффикса, но также и без того оттенка в значении, который сообщается этим суффиксом» [Крушевский 1883: 77]. Так, например, суффикс *-ик* слова *домик* обособляется хорошо как отдельная морфологическая единица, сообщающая слову уменьшительно-ласкательный оттенок, потому, что рядом имеется слово *домъ* без этого суффикса, но также и без этого оттенка в значении.

Основательно вопрос о членении производного слова по производящему представлен в исследованиях В.А. Богородицкого, который ввел термин «производящее слово»: «если основа получается путем прибавления суффиксов или префиксов, то соответствующие слова называются производными, слово, от которого непосредственно производится другое, по отношению к последнему называется его производящим» [Богородицкий 1935: 93].

Для разработки принципов выделения морфем основополагающее значение имеет учение Ф.Ф. Фортунатова о формах полных слов, основанное

на способности «отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова» [Фортунатов 1956: 136].

Ф.Ф. Фортунатов четко представлял бинарные отношения в структуре производного слова между образующими и производными основами: «всякая форма слов, образуемая аффиксом, предполагает существование другой формы, в которой те же основы являются без данного аффикса, т.е. или с другим аффиксом или без всякого аффикса, как основа слов в другой форме» [Фортунатов 1956: 147].

Впервые в наиболее полном виде рассматриваемый подход был представлен в середине XX века в работах Г.О. Винокура, которые имели огромное значение для становления отечественного словообразования и остаются актуальными в настоящее время. Ученый выступал против формального деления слов на морфемы.

Выделение аффиксов в слове Г.О. Винокур ставит в зависимость от отношений производности, их наличия или отсутствия у данного слова: «вопрос в том, есть в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции...» [Винокур 1959: 423]. По мнению Г.О. Винокура, «аффикс может иметь какой-нибудь смысл только тогда, когда он применен к какой-либо основе, а не существует сам по себе» [Винокур 1959: 426]. «Никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значение производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию» [Винокур 1959: 425].

Таким образом, первостепенное значение при членении слова имеет производящая основа: «о производной основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа непроизводная»

[Винокур 1959: 425]. Поэтому «для отыскания данной словообразовательной формы считается необходимым указать данную первичную основу хоть еще один раз в каком-нибудь другом слове данной языковой системы» [Винокур 1959, 426]. При этом «значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [Винокур 1959: 421]. Данное положение важно как для нахождения производящего, мотивирующего слова, так и для установления границы между производящей основой и образующим аффиксом.

По мнению М.Н. Янценецкой, подход Г.О. Винокура к морфемному анализу слова является по сути ономаσιологическим, поскольку «методика Г.О. Винокура исходит из отождествления корневой части производного слова с какой-либо другой лексемой, в результате чего выявляется та часть анализируемого слова, с которой связано выражение видового, мотивировочного признака, легшего в основу наименования» [Янценецкая 1979б: 66]. «Словообразовательная морфема выделяется по принципу остаточного вычленения, что отвечает минимальному ономаσιологическому требованию к аффиксу как различителю исходного и производного слова. Нахождением аффикса завершается второй этап ономаσιологического исследования слова» [Янценецкая 1979б: 66].

Таким образом, выделение аффиксов осуществляется Г.О. Винокуром не только по принципу «производное – производящее», но и «путем соотнесения производных основ» на основании тождества корней, что нарушает единый словообразовательный подход к морфемному анализу слова. Подобная позиция не является последовательно словообразовательной, поскольку при анализе слов со связанными корнями «Г.О. Винокур резко расширяет круг членимых образований и распространяет членение на случаи, в которых не соблюдается провозглашенный им принцип семантической выводимости (мотивированности)» [Богданов 1984а: 16].

Академик В.В. Виноградов критиковал это положение Г.О. Винокура с позиций последовательного словообразовательного анализа как попытку включить в область живой морфологии языка все типы непродуктивных производных основ, обладающих свойством членимости. Однако учение Г.О. Винокура получило дальнейшее развитие в работах его последователей, и прежде всего Н.М. Шанского. По мнению ученого, «правильное членение слова на морфемы <...> невозможно <...> без учета связей и соотношений, существующих <...> между производной и производящей основой» [Шанский 1968: 36]. Для определения структуры слова необходимо «установление семантико-словообразовательной соотносительности производной и производящей (или мотивированной и мотивирующей) основ» [Шанский 1993: 39].

В соответствии с предложенным Н.М. Шанским «принципом матрешки», восходящим к учению Г.О. Винокура, «слово должно члениться «с конца», выделение морфем в производной основе проводится последовательно с учетом связей и соотношений слов, прямо и непосредственно связанных друг с другом как родственные, мотивирующие и мотивированные лексические единицы» [Шанский 1993: 39]. «Так, после выделения по соотношению с формами других падежей окончания -а в слове *любительница* мы членим его основу: *любительница* – любитель женского пола (выделяется суффикс *-ниц-*), *любитель* – человек, который любит заниматься чем-либо (выделяется суффикс *-тель-*), *любить* – инфинитив, рядом с которым наблюдаются формы *любил*, *любишь* (выделяется инфинитивное *-ть*), слова *любовь*, *книголюб* и т.д. (выделяется суффикс *-и-* и корень *-люб-*)» [Шанский 1993: 39]. «Тем самым корень в многоморфемном слове выделяется на заключительном этапе разбора слова по составу, а сам этот разбор выступает как определение процесса производства слова как он представляется с точки зрения системы современного языка и отражающего ее нашего языкового сознания» [Шанский 1993: 39].

Таким образом, подобный подход к морфемному анализу предполагает

установление морфемной структуры слова путем последовательного применения словообразовательного анализа.

Однако при членении слов со связанными корнями Н.М. Шанский, как и Г.О. Винокур, использует другой подход: «...было бы неправильным считать, что метод установления семантико-словообразовательной соотносительности производной и производящей основ является единственным при установлении структуры слова» [Шанский 1968: 41]. «В том случае, если анализируются слова, имеющие в своем составе связанные непроизводные основы, учет родственных им слов может приобретать вид сопоставления двух соотносительных производных слов, общая производящая морфема которых известна в настоящее время лишь в связанном виде (ср.: *у-бав-и[ть]* – *при-бав-и[ть]*, *фаши-ист* – *фаши-изм*)» [Шанский 1968: 41-42]. Тем самым Н.М. Шанский, как и Г.О. Винокур, допускает членение слов только по вертикальному ряду – на основании корневого тождества. В результате в число слов со связанными корнями попадают такие слова, как *слад-к[уй]* и *слад-ость*, *ул-иц[а]* и *пере-ул-ок* и др.

Некоторые ученые, в частности Е.А. Земская, пытались установить отношения производности между словами со связанным корнем (ср.: *агитировать* – *агитатор*) [Земская 1973: 64-65]. В этом случае путем словообразовательного подхода можно выделить морфемы у вторых членов словообразовательных пар, но к первым членам данный подход оказывается неприменимым. Попытки преодолеть подобное противоречие можно найти в работах В.В. Лопатина, И.С. Улуханова и других современных исследователей, где делается акцент на установлении направления словообразовательной производности, мотивированности при морфемном анализе слова. «Только установив мотивационные отношения в таких парах слов, как *банальный* – *банальщина*, *скрипка* – *скрипач* и т.п., и поставив эти слова в соответствующий словообразовательный ряд, мы можем установить суффиксальный статус отрезков *-щин[а]*, *-ач* в *банальщина*, *скрипач* и несуффиксальный – *-н-*, *-к-* в *банальный*, *скрипка*» [Лопатин 1977: 27].

Подобные незначимые отрезки слова, лишь формально совпадающие с морфемами, являются субморфами. Последовательное применение принципа «производное – производящее» к словам, в которых некоторые исследователи выделяют связанные корни свидетельствует о нечленности основ первых членов этих словообразовательных пар вследствие их непроизводности, немотивированности и тем самым о наличии у них свободных корней, которые в производных, мотивированных словах выступают в усеченном виде. При таком подходе к вопросу членения слов со связанными корнями последние выделяются исследователями в словах, находящихся в отношениях взаимной мотивированности, производности.

Таким образом, «прежде чем заниматься изучением морфем как таковых, нужно сначала установить их морфемный статус, определив, наделены ли они самостоятельным значением. Но это можно сделать лишь путем словообразовательного анализа» [Лопатин 1977: 27]. Подлинный морфемный анализ, по мнению В.В. Лопатина, «начинается тогда, когда уже установлена словообразовательная структура слова, выяснено значение каждой морфемы и структурная функция каждого вычленяемого в слове отрезка. При морфемном анализе мотивированных слов мы имеем дело с результатами такого исследования, и в этом смысле морфемный анализ вторичен по отношению к анализу словообразовательному» [Лопатин 1977: 28-29].

Результаты проведенного таким образом морфемного анализа должны подтверждаться системными отношениями слов в языке: «...подлинное членение на морфемы отдельных словообразовательно мотивированных слов можно установить, лишь опираясь на всю совокупность образований, принадлежащих к определенному словообразовательному типу» [Лопатин 1975б: 45]. Тем самым морфемный анализ осуществляется в два этапа. «Окончательное установление <...> морфемного состава связано со следующим этапом словообразовательного анализа – с объединением мотивированных слов в словообразовательные типы и с комплексным

анализом образований определенного типа, а иногда и ряда типов» [Лопатин 1977: 31]. Рассмотрение производных на широком фоне однообразных образований поддерживается и такими исследователями, как С.И. Богданов, В.И. Максимов и др. По их мнению, «морфемное членение выступает в известном смысле как побочный продукт словообразовательного анализа» [Максимов 1977: 45]. Рассматриваемый подход к морфемному анализу слова в определенной мере соотносится с предложенным американской дескриптивной лингвистикой в середине XX века методом непосредственно составляющих, суть которого в последовательном вычленении из слова одной из частей до получения далее неразложимой единицы. В отечественной лингвистике данный метод неоднократно подвергался критике в работах Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, В.И. Максимова и др.

В науке существует еще один подход к морфемному анализу слова, который ориентирован на структурную соотносительность слов, на существование в словах формально и семантически тождественных частей. Основным критерием выделения морфемы в этом случае является факт наличия данной морфемы в близких по структуре или родственных словах. Еще Ф.И. Буслаев в середине XIX века указывал на необходимость сопоставления рассматриваемого образования с производными, содержащими те же морфемы, т.е. аффиксы [Буслаев 1959: 92-94]. Исследователь Г.П. Павский предлагал выделять корень слова «посредством сравнения данного слова с другими однокоренными словами» в тех случаях, когда «при отнятии производственных букв не останется ни одной коренной буквы» [Павский 1850: 2].

Первым, кто четко сформулировал метод морфемного анализа, предусматривающий двойное сопоставление производного слова не только с производящим, но и со словами с тождественными по форме и значению аффиксами, был Н.В. Крушевский. По его мнению, суффикс обособляется,

«когда он находится в целом ряде слов, придавая постоянно один и тот же оттенок значению коренного комплекса звуков» [Крушевский 1883: 77].

Ученый В.А. Богородицкий видел основы членения слов на морфемы в «частичной ассоциации», под которой понималась «ассоциация по частичному сходству» со словами «родственными по какой-либо морфологической части» [Богородицкий 1935: 96]. Родственными он признавал слова с повторяющимися частями, причем «родство считается материальным, если слова ассоциируются по корню или основе, и формальным, когда слова ассоциируются по сходству придаточных морфем» [Богородицкий 1939: 150]. Таким образом, методы исследователя В.А. Богородицкого допускают членение слова на основе только одного сопоставления – со словами с аналогичным корнем или аффиксом. В отличие от В.А. Богородицкого Ф.Ф. Fortunatov и А.М. Пешковский использовали принцип «двойного сравнения» анализируемых форм, который применялся к членению производных и непроизводных слов. Они считали необходимым совмещение двух рядов соотношений членяемого слова – со словами с тождественным корнем и аффиксом: «таким образом, всякая форма в слове является общою для слов с различными основами и вместе с тем всякая форма в слове соотносительна с другой, т.е. предполагает существование другой формы с другой формальной принадлежностью, но с теми же основами слов, т.е. с теми же их основными принадлежностями» [Fortunatov 1956: 137]. А.М. Пешковский ввел понятия вертикального и горизонтального рядов слов. Он рассматривал слово как единство, состоящее из «формальных частей и вещественных»; «самая возможность для слова распадаться на такие две части» появляется в том случае, если в современном русском языке существуют «два ряда слов, похожих по звукам и по значению на данное слово. В одном из этих рядов должна являться та же основа с другими формальными частями (вертикальный ряд <...>), в другом – та же формальная часть с другими основами (горизонтальный ряд <...>). Только

вследствие такого двойного сравнения и происходит <...> распадение слова на части» [Пешковский 1956: 13].

В середине XX века сопоставительный метод при членении слова использовал и А.И. Смирницкий. По мнению ученого, «для членения основы вообще достаточно, чтобы она входила в один соотносительный ряд» [Смирницкий 1948: 24], вертикальный или горизонтальный. Идеи А.И. Смирницкого развиваются в 60-е годы в работах Е.А. Земской, А.Н. Тихонова и других исследователей. Так, для определения морфемного состава слова Е.А. Земская использует прием, сочетающий принципы анализа по вертикальному и горизонтальному рядам. Таким образом, корень выделяется по вертикальному ряду на фоне однокоренных слов, а аффиксы – по горизонтальному ряду слов с тождественными аффиксами. В работах А.Н. Тихонова морфемное членение слова осуществляется как в результате его сопоставления с производящим или однокоренным словом, так и при сопоставлении его с одноаффиксным словом: «в существительном *эпиграфика* суффикс *-ик-* вычленяется благодаря наличию в языке производящего *эпиграф*. Он представляет собой материальную разность между производящей и производной основами» [Тихонов 1975б: 190].

Сопоставительный метод используется и в зарубежной лингвистике, в частности представителями дескриптивного направления: Л. Блумфилдом, Г. Глисоном, Д. Гринбергом и др. Так, слова, входящие в двойной ряд сопоставлений – слов с той же основой и слов с тем же аффиксом, образуют, по Дж. Гринбергу, словообразовательный квадрат: *eating* «принятие пищи»: *sleeping* «процесс сна»: *eats* «ест»: *sleeps* «спит» [Гринберг 1963: 87].

В настоящее время сопоставительный метод широко применяется в практике анализа морфемной структуры слова Ю.Д. Апресяном, С.И. Богдановым, Е.А. Земской, А.И. Кузнецовой и др.

Однако членение слов на основании аналогии с одноструктурными образованиями таит определенную опасность. При таком морфемном анализе не исключена возможность субъективного подхода к определению семантики

выделяемых частей, и, как следствие этого, механического, чисто формального членения слова. Представители сопоставительного подхода А.И. Кузнецова, С.И. Богданов, И.Г. Милославский к выделению морфем в качестве основополагающих принципов морфемного членения выдвигают формальный критерий структуры слова, аналогическое членение, ориентацию на набор аффиксов, установленный на основе бесспорных случаев членения. Семантический критерий при этом выполняет только дополнительную функцию.

Таким образом, и сами сторонники формально-сопоставительного метода признают, что в силу «асемантичности морфемного анализа семантический критерий в ходе морфемного членения играет в какой-то степени побочную, подчиненную роль, используется в значительной степени эвристически, как источник догадок о связи рассматриваемых морфем. Решающую же роль играют соображения формально-структурные» [Богданов 1984а: 84]. По мнению критиков формально-сопоставительного метода, при членении слов подобным методом «недооценивается роль семантического фактора, часто анализ строится на одних формальных показателях, вычленяемые части слов, определяемые как морфемы, ни словообразовательным, ни грамматическим значением не обладают» [Артемов 1972: 292]. Еще один недостаток формально-структурного подхода к вычленению аффиксов состоит в том, что он делает морфемный анализ оторванным от словообразовательного и даже нередко вступает с последним в противоречие. Так, в словах *употребительный*, *извинительный* И.Г. Милославский при морфемном анализе выделяет суффикс *-тель*, а при словообразовательном не выделяет [Милославский 1979: 80].

Использование критерия Г.О. Винокура при членении слова на морфемы «предохраняет от выделения бессмысленных кусков», «если же не применяется критерий Г.О. Винокура, то бессодержательная разъемка слова на части становится неизбежным злом» [Панов 1992: 35]. Для того чтобы избежать искусственного, чисто формального выделения аффиксов при

сопоставительном подходе, некоторые исследователи вводят семантический критерий аффиксального статуса вычленяемого отрезка.

Исследователь Л.П. Крысин говорит о двух критериях морфемной членимости – формальном и семантическом. «Формальный критерий: необходимо, чтобы в составе слов, подвергаемых разложению на морфемы, был один и тот же аффиксальный элемент; семантический критерий: эти слова должны обладать единством достаточно специфического значения, присущего только им и тем самым отличающего их от слов иной семантики, формально сходных с данными. Таким значением далеко не всегда может быть общий смысл, свойственный целой грамматической категории или лексико-грамматическому классу слов: например, имя деятеля, название предмета, название действия и т.п.» [Крысин 1975: 229]. По мнению И.С. Улуханова, для выделения аффикса в немотивированном слове необходимо, чтобы значение, приписываемое тому или иному формальному элементу, было достаточно определенным – во всяком случае, более узким, нежели значение части речи [Улуханов 1977: 103].

Анализ различных подходов к морфемному членению слова показывает, что в современной лингвистической науке представлено в основном два направления в выделении морфем, в которых по-разному отражается соотношение морфемного и словообразовательного анализов.

При членении слова, ориентирующемся на отношения словообразовательной производности, мотивированности, морфемный и словообразовательный виды анализа оказываются тесно связанными. Причем связь эта проявляется по-разному у разных исследователей. Так, в работах одних ученых морфемный и словообразовательный анализы разграничиваются, но в рамках единого словообразовательного метода. Кстати, взаимосвязь морфемного и словообразовательного видов анализа отмечают и некоторые представители сопоставительного подхода к выделению морфем, в частности Е.А. Земская: «морфемный анализ должен опираться на результаты словообразовательного: только поняв, как

образовано слово, можно правильно расчленить его на морфы» [Современный русский язык 1981: 160].

Другие исследователи по сути не разграничивают данные виды анализа, признавая только словообразовательный анализ и выделяя морфемы на его основе: «...никаких иных оснований разбиения слов на морфемы, кроме тех, которые дает словообразовательный анализ, не существует» [Панов 1992: 46]. «Можно было бы понять, – пишет М.В. Панов, – словообразовательный анализ как первую ступень в процессе сопоставления производных и производящих слов; а морфемный анализ – как результат полного, исчерпывающего сопоставления. Но надо ли называть разными анализами то, что в действительности является ступенями одного анализа?» [Панов 1992: 47]. По мнению Р.И. Лихтман, нельзя говорить о двух разных анализах: «если мы, выполняя разные задачи (в одном случае – показать только производящую основу и формант, а в другом – весь состав морфем), пользуемся одной и той же методикой, совершаем одну и ту же процедуру, значит, мы производим в обоих случаях один и тот же анализ, но в одном случае осуществляя лишь первый его этап, а в другом случае – доводя его до конца. Этот повторяющийся в одном и другом случае анализ и есть анализ словообразовательный» [Лихтман 1991: 105].

Говоря о соотношении двух видов анализа, В.В. Лопатин отмечает вторичность морфемного анализа по отношению к словообразовательному в том случае, когда уже установлен (путем последовательно примененного словообразовательного анализа) состав морфем, их значение и структурная функция.

При членении слова сопоставительным методом морфемный и словообразовательный анализы оказываются противопоставленными друг другу. По мнению представителей сопоставительного метода, результаты морфемного и словообразовательного анализов неотожествимы. Подобные взгляды на соотношение результатов морфемного и словообразовательного анализов не раз подвергались критике. Так, В.В. Лопатин, выступая за связь

данных видов анализа, подчеркивал ошибочность «утверждений, что морфемная сегментация одного и того же слова может быть различной в зависимости от принципа анализа» [Лопатин 1975б: 52]. И.А. Ширшов, разграничивая морфемный и словообразовательный анализы, в то же время указывает на их взаимозависимость: «метод морфемного анализа позволяет расчленить основы, но не способен дать полного представления об отношениях между вычленяемыми единицами. Это задача словообразовательного анализа – установить семантическое наполнение тождественных по форме отрезков» [Ширшов 1997: 61].

Поскольку применение разных принципов морфемного членения к одному и тому же объекту в работах ряда ученых приводит к разным результатам, некоторые исследователи, в частности В.Г. Головин, выбор метода анализа ставят в зависимость от типа словообразовательной организации анализируемого слова – производное или непроизводное. Анализ производных слов должен производиться по принципу «производное – производящее». Правда, данный анализ В.Г. Головин считает словообразовательным, из чего следует, что к производным словам применим только словообразовательный анализ. По-видимому, для В.Г. Головина любой анализ, основанный на установлении словообразовательных связей производного слова, является словообразовательным. Морфемный же анализ применим только к непроизводным, но членимым словам и осуществляется путем сопоставления слов по принципу вертикального и горизонтального рядов. Таким образом, критикуя исследователей, которые осуществляют морфемный анализ слова без учета словообразовательных связей последнего, сам В.Г. Головин по сути противопоставляет эти два вида анализа – морфемный и словообразовательный.

Рассмотренные методики действительно в определенной мере зависят от структуры анализируемых слов. Зависимость эта проявляется в том, что при анализе слов с прозрачной структурой различные методы дают

одинаковые результаты, «но разность подходов сразу скажется, если в словах нарушены какие-либо словообразовательные правила» [Янценецкая 1979б: 67], в частности если анализу подвергаются слова с уникальными частями. Тогда применение различных методик приведет к неодинаковым суждениям относительно словообразовательной структуры анализируемых слов.

1.3. Источники и пути возникновения уникальных морфем

Морфемный состав русского языка представляет собой определенную систему, которая в ходе исторического развития языка может претерпевать значительные изменения. «Эти изменения проявляются в том, что с течением времени изменяется характер, вид отдельных морфем (например, корневые морфемы часто изменяются в служебные, окончания становятся суффиксами), многие морфемы изменяют свою материальную структуру, звуковую оболочку, свои значения, характер связей с другими морфемами данного языка, утрачивают или приобретают способность сочетаться с ними, некоторые аффиксы в составе определенных слов утрачивают свои значения и вследствие этого перестают быть морфемами и т.д.» [Немченко 1994б: 17].

Исследователи указывают различные пути появления новых морфем. Так, новые суффиксы, по словам ученого И.С. Улуханова, чаще всего возникают «путем переразложения – отхода к новому суффиксу части производящей основы, реже – путем вставки фонем на морфемном шве или путем контаминации морфем. Префиксы возникают как тем же путем, так и двумя другими путями: во-первых, соединением служебного слова и префикса того слова, которому оно предшествует (*недо-*); во-вторых, путем превращения предлога в префикс» [Улуханов 1994б: 8].

Довольно широко представлен в литературе и процесс заимствования морфем, появления новых частей слова в результате заимствования их из других языков. Уникальные части слов, по-видимому, отражают основные пути возникновения неуникальных морфем, но, по всей вероятности, могут образовываться и иными путями. По мнению Н.М. Шанского, «наличие в

словах и словоформах нерегулярных, изолированных, не образующих воспроизводимой модели служебных морфем объясняется историческим характером языковой системы, содержащей как продуктивные, так и непродуктивные словообразовательные типы, модели как регулярного, так и нерегулярного характера» [Шанский 1968: 53].

Уникальные аффиксы могут возникать различными путями. По классификации И.М. Шанского, одну группу составляют бывшие регулярные аффиксы, в силу изменений в лексике и грамматике сохранившиеся лишь в единичных словах. Другую группу уникальных аффиксов «образуют морфемы, возникшие в результате различных процессов в словообразовательной структуре слова и «застывшие» в единичных лексических единицах» [Шанский 1968: 151]. К ним относятся аффиксы, возникшие на базе исконных в результате переразложения, аффиксы, появившиеся в заимствованных словах в результате процесса усложнения, и аффиксы, представляющие собой морфемизацию корня или незначимого звукового отрезка [Шанский 1968: 151]. Согласно исследованиям А.И. Кузнецовой, остаточные и редкие аффиксы в русских словах могут быть по происхождению реликтами ныне исчезнувших моделей словообразования, «осколками» древних аффиксов, застывшими флексиями, превратившимися в суффиксы наречий, или даже самостоятельными словами. Редкие аффиксы в заимствованных словах представляют собой либо остатки финали в основах дающего языка, либо суффиксы языка-донора [Кузнецова 1988а: 290-292].

Очевидно, возникновение единичных морфем в исконно русских и заимствованных словах имеет свою специфику, поэтому формирование уникальных морфем в этих двух разных по происхождению лексических группах должно быть рассмотрено отдельно.

1.4. Проблема разграничения уникальных корней и уникальных аффиксов

Нередко уникальные морфемы выделяются в этимологически сложных словах, которые по своему происхождению могут быть исконными или заимствованными. В таких случаях бывает особенно трудно определить границы и морфемный статус единичной части. Одним из параметров противопоставления корневых и аффиксальных морфем является семантический. Корневая часть своим значением в большей степени соотнесена с объективной реальностью. Принято считать, что корень своим конкретным, вещественным значением вносит в семантику слова индивидуальное начало. Но семантика корня может быть и абстрактной. Однако она также предопределена соотнесенностью корня с реальной действительностью.

Аффиксальные части в целом обладают более обобщенным значением (хотя в словах *баранина*, *конина*, *свинина* и т.п. суффикс *-ин-* имеет конкретное значение – мясо). Но абстрактность значения аффикса иного рода, чем у корня. Аффикс соотнесен с действительностью в составе слова как бы через посредство корневой морфемы (в слове *чайник* суффикс *-ник-* обозначает предмет (вместилище) через его отношение к другому предмету, на который указывает корень *-чай-*). Один и тот же аффикс объединяет слова с разными корнями на основе общности уже не лексического, а словообразовательного значения (*чайник*, *салатник*, *задачник* и т.п.). В отличие от корня аффикс обладает меньшей определенностью значения. Такая «неполнозначность» аффикса позволяет ему присоединяться к словам с соответствующей семантикой и участвовать в формировании нового лексического значения производного слова. Именно этот аспект позволяет отграничить аффиксальное слово от сложного, обладающего большей определенностью значения, но не всегда предсказуемого, отличающегося большим разнообразием и индивидуальностью отношений между частями сложного слова...» [Леонович 1993: 15-16].

Таким образом, корневые и аффиксальные морфемы различаются между собой прежде всего характером семантики. Однако значение уникального аффикса в силу ограниченной сочетаемости последнего – с одной и той же производящей основой – как бы лишено той обобщенности, которая присуща регулярному аффиксу, повторяющемуся в ряде слов в сочетании с разными производящими основами. В связи с этим разграничение корней и аффиксов в тех случаях, когда они являются уникальными, представляет особую трудность.

Вместе с тем «при всей своей связанности значение нерегулярных аффиксов является фактом вполне реальным и определенным, ибо слова, их содержащие, существуют в языковой системе как определенные элементы словообразовательных гнезд, семантических полей и лексико-грамматических категорий» [Шанский 1968: 143]. Значение уникальных аффиксов устанавливается не только «путем уяснения связей и соотношений содержащих их слов с соответствующими им родственными словами», но и путем «сравнения с регулярными моделями словообразования» [Шанский 1968: 142]. Поэтому семантика единичного аффикса может быть сопоставима с семантикой аффикса регулярного, подведена под то обобщенное значение, которое обычно присуще регулярным аффиксам. На возможность установления семантических аналогий между единичными частями слов и аффиксальными морфемами указывают Н.М. Шанский, Е.А. Земская, М.Н. Янценецкая, А.Н. Тихонов, Р.И. Лихтман, Л.Г. Яцкевич и другие исследователи.

Так, по словам Н.М. Шанского, «суффикс *-овь-* в слове *любовь* семантически определяется установлением соотношений между словами *любить* и *любовь*, тождественных тем, которые наблюдаются в регулярных моделях *страдать – страдание, косить – косьба* и т.п.» [Шанский 1968: 143-144]. По словам академика В.В. Виноградова, Ш. Балли упрекал лингвистов в том, что они «изучают слова изолированно, вместо того чтобы наблюдать их ассоциации, их соотношения в результате произвольного сравнения с

синонимами, антонимами <...>. Ш. Балли выдвигал это методологическое требование применительно к синхроническому изучению языковой системы» [Виноградов 1994: 558].

Поскольку уникальные аффиксы обычно имеют семантические аналоги среди аффиксов неуникальных, было бы естественно при определении аффиксального статуса уникальной части слова использовать парадигматический критерий, основанный на наличии / отсутствии у единичной части семантических аналогов среди аффиксов современного русского языка. Наличие у данной единичной части семантического аналога среди неуникальных аффиксов, синонимичного неуникального аффикса могло бы свидетельствовать об аффиксальном статусе данной части. Отсутствие такого аналога свидетельствовало бы скорее в пользу корневого статуса единичной части.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Все выше сказанное свидетельствуем о том, что статус унификсов с морфемной точки зрения в большинстве своем тяготеет к единичным аффиксальным частям, реже – к уникальным корням.

В современном русском языке преобладают мономорфемные слова, т.е. такие, которые содержат нерегулярные корневые части, но некоторые ученые не согласны с этой точкой зрения, отрицая существование таких морфем и не считая подобные слова корневыми.

Уникальная корневая часть сложного слова может быть выделена из него таким образом, как выделяется единичный аффиксальный компонент, т.е. в процессе установления соотношения производного слова с данным аффиксом и его производящего. Значение же уникального компонента определяется с помощью семантического вычитания.

Итак, членимость слов с единичными аффиксальными частями является более сильной, чем с нерегулярными корнями.

В современном русском языке применяются разные принципы морфемного членения слова.

Некоторые исследователи выбирают метод анализа с учетом того, является анализируемое слово с точки зрения словообразовательной организации неизменяемым или производным. Анализ последних должен выполняться по принципу «производное – производящее». Но некоторые ученые данный вид анализа называют словообразовательным, имея в виду тот факт, что к производным словам применим только данный анализ.

В качестве противоположного выступает морфемный анализ, который, по мнению ряда исследователей, применим только к неизменяемым, но членимым словам и выполняется в результате сопоставления слов по принципу вертикального и горизонтального рядов.

При анализе слов с прозрачной структурой различные методы дают одинаковые результаты, но если в словах нарушены какие-либо словообразовательные правила, разность подходов сразу обнаружится, особенно если анализируются слова с унификсами. В таком случае использование различных методов может привести к противоположным точкам зрения, связанным со словообразовательной структурой анализируемых слов.

Морфемный состав слов в ходе исторического развития языка претерпевает изменения, которые связаны с изменением характера, видов отдельных морфем. Большинство частей слов могут изменять свою звуковую оболочку, материальную структуру, характер связей с другими морфемами данного языка, свои значения, могут утрачивать или приобретать способность сочетаться с другими частями слов, аффиксы в составе некоторых слов способны утрачивать свои значения и в связи с этим перестают быть морфемами и т.д.

Части слова корневого и аффиксального характера прежде всего отличаются между собой семантикой. Но значение единичной аффиксальной части слова из-за ее ограниченной сочетаемости с одной и той же

производящей основой как бы не имеет той обобщенности, которая присуща продуктивным аффиксам, которые способны повторяться в нескольких словах в сочетании с различными морфемами. Отсюда следует, что разграничить уникальные корни и аффиксы слов не всегда представляется возможным.

Глава II. ТИПОЛОГИЯ УНИКАЛЬНЫХ МОРФЕМ

2.1. Уникальные морфемы в исконно русских словах

Лексический состав русского языка является продуктом ряда эпох. Слово будто проникает через различные языковые уровни, которые, в свою очередь, оставляют на его толкованиях и на нем в целом следы своих особенностей.

Строение слова с точки зрения морфематики часто свидетельствует о происхождении и социальных его движениях. В лексике русского языка имеются слова, которые различны по месту и времени появления, происхождению и по структуре.

Подавляющее количество слов, существующих в русском языке, имеет исконную структуру. Так, нечастотные аффиксы, которые выделяются в различных словах во время синхронного анализа, совершенно одинаковы с исконными аффиксальными частями этих слов. Суффиксальными частями в прошлом являлись, например, уникальные морфемы в словах *белесый*, *ботвинья*, *козел*, *мачеха*, *песня*, *письмо* и др.

Так, *белесый* является производным от *белый*. В составе данного слова выделяется уникальная суффиксальная часть *-ес-*. Слово *ботвинья* образовано от *ботва* с помощью суффиксальной части *-и[н']-*, которая в современном русском языке является единичной. Унификс *-ел* в существительном *козел*, мотивированном словом *коза*, является древнерусским суффиксом *-ьль*, который был известен еще в общеславянскую эпоху. Очень древнего происхождения также существительное *мачеха*. В его составе выделяется суффиксальная часть *-ех-* с оттенком пренебрежительности от *мать*. Слово *песня* образовалось в праславянский период от глагола *петь*. Существительное *письмо* образовано от *писать*. В данном слове выделяется суффиксальная часть *-ьм-*, которая в современном русском языке имеет связь с суффиксом *-м-* в данном существительном. В слове *мошкар* при синхронном и диахронном анализах

исследователи уникальных морфем выделяют одну и ту же собирательную суффиксальную часть *-ар-*. Слово *снегирь* образовано от *снѣзь* суффиксальным способом и раньше в своем составе имело тот же аффикс, что и в современном русском языке. В XIX в. из южновеликорусского диалектного языка в литературный пришло существительное *барчук* и сохранялось в нем благодаря украинскому языку (ср. фамилии типа *Ковальчук*, *Пинчук* и под.). В современном русском языке выделяется унификс *-чук* в слове *барчук*, если его мотивировать словом *барин*. Отсюда следует, что данная единичная часть дублирует этимологический суффикс слова *барчук*. Что касается слова *завсегдатай*, то здесь необходимо отметить то, что оно образовано от *завсегда* с помощью уникального суффикса *-(а)тай*, которое, в свою очередь, является производным от *всегда* с помощью префикса *за-*. Данное слово можно сравнить с отглагольными образованиями с таким же суффиксом (*вожатай*, *глашатай*, *ходатай*, и т.п.), подавляющее количество которых вышло из употребления, что и позволило суффиксу *-(а)тай* в *завсегдатай* отнести в разряд уникальных. Следующее слово, которое нуждается в анализе, является *синева*. Оно образовано от прилагательного *синий* с помощью суффикса *-ев-*, который в данном слове является уникальной частью. Следует упомянуть и тот факт, что сначала слово *синева* носило конкретное значение – «отек», потом – «синий оттенок», затем – «синее пространство». В таких словах, как *седой* и *серый* с точки зрения этимологии выделяется тот же корень, что и в прилагательном *синий*. Интересной является информация о том, что в древности не было отчетливого различения оттенков. Так, например, древнерусское слово *синий* толковалось как «темно-голубой», «синий» и даже «багровый» и «черный». Отсюда следует, что в существительном *синева* сузилось значение корня.

В книжной лексике можно встретить слово *светоч*, которое включает в себе переносное значение (это источник того, что «передвигает» человечество вперед по пути развития). *Светоч* образовано от слова *свет* с помощью уникального элемента *-оч*. Первоначально *светоч* также являлось

производным слова *свет* и в XVIII-начале XIX в. использовалось в значении «светильник, свеча, факел». Академик В.В. Виноградов считал, что «нельзя сомневаться в том, что слово *светоч* русское, не заимствованное» [Виноградов 1994: 625]. Таким образом, в существительном *светоч* единичная суффиксальная часть соответствует исконному суффиксу данного слова.

В существительном *жених* некоторые ученые выделяют уникальную суффиксальную часть *-их*. По их мнению, данное слово является общеславянским и образовано от глагола *zeniti*. При мотивации глаголом другие исследователи вычленяют в этом слове суффикс *-х*. В таком случае можно говорить о том, что в синхронии и диахронии результаты морфемного анализа совпадают.

Слово *свин-тус* является суффиксальным производным от *свинья*. Данное слово возникло на русской почве, но суффиксальный элемент в нем имеет латинизированный характер.

Иногда унификсы по происхождению могут иметь не суффиксальный, а префиксальный характер. Например, в слове *бахвалиться* исконной является уникальная приставка *ба-* с усилительным значением. Но если руководствоваться большим спектром справочных изданий по этимологии, то можно узнать, что *бахвалиться* образовано от *баять* и *хвалить*. Отсюда следует, что по происхождению *ба-* имеет корневой характер, а не префиксальный.

Некоторые справочные издания располагают такой информацией, что в слове *чумазый* уникальный элемент *чу-* является по происхождению префиксом (ср.: *чужьискать*, *чужьиснуть*), а само прилагательное *чумазый* образовано от *мазый*. В других справочниках по этимологии слов дается информация о том, что *чумазый* связано с прилагательным *черномазый*. Отсюда неясность происхождения слова *чумазый*.

Некоторые старославянские слова также относятся к исконной лексике. Так, существительное *владыка* образовано суффиксальным способом от

основы *владеть, власть*. В настоящее время имеют место быть те же самые словообразовательные связи слова *владыка* с глаголом *владеть* и унификс *-ык-* является в данном случае суффиксом.

Нередко в современном русском языке уникальные аффиксы выделяются в результате фонетических изменений. Например, слово *четверг* с единичным суффиксом *-г*, что не является, однако, бесспорным, представляет собой переоформление древнерусского слова, суффиксального производного от «четвертый».

Также бывает, что с течением времени изменяется слово, по соотношению с которым выделяется аффикс, а статус и границы этого вычленяемого уникального элемента не меняются. Например, в русском языке в слове *выкрутасы* выделяется унификс *-ас-* в результате соотношения с *выкручивать(ся)*, а не в связи с *выкруть*, которое ушло из языка.

Слово *бельмо* образовано посредством *-м-о* (как *письмо*) от существительного *бель*, образованного, в свою очередь, от прилагательного. В современном русском языке *бельмо* образовано от слова *белый*, но в формальном отношении выделяется та же суффиксальная часть, с помощью которой возникает слово, но уже с другим словообразовательным значением – «носитель признака».

Ряд исследователей, анализируя слово *пастух*, выделяют в нем исконный суффикс *-ух-*, который имеет общеславянское происхождение. В некоторых этимологических справочниках существительное *пастух* образовано от глагола *пасть*, который возник с помощью суффикса *-t-* от *пасти*, но позднее вышел из употребления. Несмотря на то, что утратилось производящее слово, это не привело к изменению границ между морфемами в слове, так как в настоящее время *-т-* в существительном *пастух* может быть отнесено к основе мотивирующего глагола.

В слове *любовь* выделяется нерегулярный элемент *-овь*. Данное существительное возникло в результате влияния косвенного падежа слова *любы* (в Р.п. – *любъве*, в В.п. – *любъвь*). В этих падежах к *люб-* прибавляется

суффиксальная часть *-ьв-*, которая позднее перешла в *-ов-*. Некоторые ученые считают, что *-овь* в существительном *любовь* восходит к *-ы* (<й) праславянского происхождения (ср. также *свекровь*). В.И. Максимов в своих работах указывал на то, что в существительном *любовь* наблюдается явление трансформации. В современном русском языке в анализируемом слове выделяется суффикс *-овь*, если производящим считать глагол *любить*. В науке такой процесс, когда изменяется характер или значение частей слова и их соотношений при сохранении того же числа и последовательности, называется декорреляцией. Впервые данный термин употребил исследователь Н.М. Шанский в 1959 году. В.И. Максимов замену одной производящей основы другой вследствие архаизации производящего слова, влекущую изменение словообразовательных отношений, изменение соотношения компонентов при сохранении их числа, называет трансмоделяцией.

Своеобразным примером декорреляции может служить существительное *вертеп*, если признать, что оно образовано от слова *вертеть(ся)* с помощью унификса *-еп-*.

Несмотря на то, что границы анализируемых унификсов совпадают в синхронии и диахронии, это не позволяет говорить о том, что выделяемые в современном русском языке единичные части слова являлись уникальными в прошлом. Например, суффиксальная часть в существительном *выкрут-ас-ы* была аналогична суффиксу слова *дубасить*, в котором в данный момент эта морфема не рассматривается как суффикс в связи с немотивированностью глагола. Раньше существовало слово *закрутасы* с той же суффиксальной частью, но в настоящее время оно вышло из употребления. Что же касается *-овь* в существительном *свекр-овь*, то эта часть была тождественна суффиксу в словах *морковь*, *церковь* (сейчас они являются нечленимыми). В результате фонетического переоформления исконной регулярной суффиксальной части в существительном *четвер-г* возник унификс.

Таким образом, анализируемые нечастотные морфемы хоть и являются

по происхождению исконными, однако уникальный характер они имеют благодаря различным процессам, которые происходили в языке. И неспроста ученые причиной появления унификсов в русском языке называют утрату аффиксом своей активности, а также архаизацию той или иной части слова.

В проанализированных примерах границы и морфемный статус выделяемых элементов в синхронии и диахронии сильно не отличаются. В большинстве случаев происходит несовпадение результатов синхронного морфемного и этимологического анализов слов с унификсами. Очень часто единичные части слова выделяются в результате переразложения – процесса, при котором происходит изменение границ между морфемами при сохранении членимости слова. Данный термин впервые был употреблен И.В. Крушевским и В.А. Богородицким.

При таком процессе чаще всего выделяются новые аффиксы, в том числе и уникальные. Слово *гольтепа* с единичным суффиксом *-теп-* образовано от устаревшего *голта* суффиксальным способом (*-ена*). *Голта* является производным от прилагательного *голый* с суффиксом *-та*. Таким образом, по происхождению суффиксальная часть *-теп-* – сочетание двух суффиксов.

Существительное *злыдень* с суффиксом *-ыдь* образовано от устаревшего *злыда* с помощью *-ень* (*злыда* < *злой*). В современном русском языке считается, что слово *злыдень* образовано от *злой*, и поэтому следует выделять унификс *-ыдень*, который представляет собой сочетание двух суффиксов.

В слове *мелюзга* при мотивации его прилагательным *мелкий* выделяется уникальный суффикс, представляющий собой сочетание двух суффиксов: *-га* и *-узь*.

Не менее интересным является слово *дороговизна*, которое образовано от древнерусского *дорогъвь* > *дороговъ*, исчезнувшего из нашего языка. В данном слове в результате переразложения выделяется уникальный компонент *-овизн-*, который представляет собой сочетание суффиксов *-изн-*

(*дороговизна*) и *-овь-* (*дороговъ*).

При анализе слова *новшество* можно увидеть, что оно образовано от *новший* – формы, которая вышла из употребления (ср.: *высший*, *низший*, *худший* и т.д.). В современном русском языке *новшество* мотивируется словом *новый*, и поэтому в данном слове выделяется уникальный суффикс *-шеств-*, который с точки зрения этимологии представляет собой две суффиксальные части: *-ш-* и *-еств-*.

Что касается слова *новичок*, то здесь следует отметить, что данное существительное – это результат процесса, который носит название «переразложение». В *новичок* с точки зрения этимологии выделяется уменьшительно-ласкательный суффикс *-ок-* при мотивации словом *новичок* (ср.: *старик* – *старичок*) и суффиксальная часть *-ик-* со значением носителя признака с учетом того, что *новичок* образовано от прилагательного *новый* (ср.: *старый* – *старик*). Поскольку существительное *новичок* вышло из употребления, *новичок* стало мотивироваться словом *новый*, и поэтому в существительном *новичок* следует выделять уникальную часть *-ичок-*.

Существительное *молебен* с суффиксом *-ебен* является по происхождению субстантивированным прилагательным *молебный* от *мольба*. В современном русском языке анализируемое слово образовано от глагола *молиться*, поэтому целесообразно выделять в составе слова нерегулярный суффикс *-ебен-*, который обозначает отвлеченное действие.

Слово *обоюдный* образовано суффиксальным способом (*-ьн-*) от древнерусского наречия *обоюду*, которое, в свою очередь, образовано от числительного *оба*, *обе* с помощью суффикса *-уду* (ср: *всюду*). Но данное наречие вышло из употребления, способствуя установлению мотивационной связи у анализируемого слова с числительным, поэтому в данном случае уместно выделять уникальный суффиксальный отрезок *-удн-*, который представляет собой сочетание двух суффиксальных частей.

Интересным в плане анализа является слово *годовалый*, которое было образовано от диалектного глагола *годовать* с помощью суффикса *-л-* и при

этом являлось причастием. *Годовать*, в свою очередь, было образовано с помощью суффикса *-ова-* от слова *годъ* со значением времени. Позднее *годовалый* как причастие перешло в разряд прилагательных и начало мотивироваться существительным *год*, поэтому часть *-овал-* в данном слове – это уникальный суффикс.

Одни ученые считают, что глагол *судачить* с экспрессивно-усилительным значением образован от *судить*. Отсюда следует, что в данном слове выделяется уникальная суффиксальная часть *-ачи-*. Другие исследователи разделяют ту точку зрения, согласно которой *судачить* образуется так же, как и глагол *рыбачить* с помощью частотного суффикса *-и-*. Во втором примере уникальный компонент *-ачи-* представляет собой результат изменения в глаголе границ между морфемами в процессе архаизации его этимологического производящего.

Нерегулярные суффиксы также выделяются в процессе переразложения, например, в таких словах, как *нагишом*, *особняком*. Первое слово с этимологической точки зрения представляет собой форму Т.п., ед. ч. существительного *нагиш*, которое в современном русском языке не используется. *Нагиш* является производным с суффиксом *-иш* от прилагательного *нагой*. В синхронии *нагишом* мотивируется прилагательным *нагой*, поэтому в данном слове выделяется суффикс *-ишом*. В современном русском языке наречие *особняком* мотивируется прилагательным *особый*, выделяя уникальную часть *-няком*. А раньше *особняком* было образовано от *особняк* с помощью суффикса *-ом*.

Единичный суффикс *-елин* в слове заимствованном из старославянского языка *властелин* также является результатом переразложения. В старославянском языке данное слово было образовано суффиксальным способом (*-инь*) от *властель* < *власти*. Так как в настоящее время существительного *властель* нет, то в слове *властелин*, которое образовано от *власть*, выделяется один суффикс вместо двух.

В XIX в. из украинского языка было заимствовано существительное

детвора, где оно мотивировалось *детва*, собирательного к *дитя* с суффиксом *-ва* (ср.: *листва*). В языке-основе в составе слова *детвора* выделялись два суффикса: *-в* и *-ор-*. В настоящее время нет слова *детва*, поэтому анализируемое существительное образовано от *дети* с помощью уникального по фонемному составу суффикса *-вор-*.

С слова *скупердяй* в процессе фонетических изменений и переразложения выделяется уникальный суффикс *-ердяй*, если данное слово мотивировать прилагательным *скупой*. В специальных справочных этимологических изданиях *скупердяй* – это изменение экспрессивного диалектного *скупендяй* от *скупенда*, вышедшего из употребления и некогда образованного с помощью суффикса *-д-* от *скупень* < *скупой*. *Нд* > *рд* в результате диссимиляции согласных по месту и способу образования. Следовательно, по происхождению унификс *-ердяй* сочетает в себе три суффикса.

Иногда нерегулярные части слова аффиксального характера восходят к корневым морфемам простых и сложных слов. В большей степени это относится к единичным префиксам в словах *бахвалиться*, *мусор*, *радуга*, *шиворот* и т.д. Например, анализируя существительное *мусор*, в качестве уникального префикса можно выделить компонент *му-*, если учитывать, что данное слово образовано от *сор*. Но следует отметить, что выделяемая уникальная часть некогда входила в корень слова. Некоторые исследователи существительное *мусор* этимологически относят к глаголам *мусолить*, *муслить*, восходящим к индоевропейскому языку. К части корневого характера сложного слова относится уникальная приставка *ши-* в слове *шиворот*, которое явилось результатом сложения исчезнувшего *шивъ* (шея) и *ворот*. Ряд исследователей выделяемый компонент рассматривают как приставку, но арготическую. Разнятся мнения ученых и в отношении слова *радуга* с нерегулярной частью *ра-*. Одни справочные издания предлагают материал, где данное существительное образовано от *радъ*, которое в древности было прилагательным, с помощью суффикса *-уга*. В других же

научных трудах по этимологии существительное *радуга* является результатом переоформления слова *райдуга*, состоящего из *рай* и *дуга*. Но в любом из этих случаев компонент *ра-* по происхождению имеет корневой характер, т.е. является частью корня сложного или простого слова.

Некоторые нерегулярные суффиксальные части тоже могут восходить к корневым морфемам. Например, по мнению ряда ученых, слово *стеклярус* с уникальным суффиксом *-ярус* возникло из *стекло* и *ярус*. Данная суффиксальная часть здесь этимологически равна второму корню сложения.

Нерегулярный суффикс *-алей* в существительном *дуралей* извлечен, по данным некоторых справочных изданий, из устаревшего имени *Фалалей*, которое употреблялось в значении «простак, фетюк».

Редко, но все же образование слов с уникальными морфемами из словосочетаний имеет место быть. Например, слово *восвояси* восходит к древнерусскому *въ своя вѣси* или к обороту *во своя си*, древнерусскому заимствованию из старославянского. В настоящее время анализируемое слово образуется от местоимения *свой* с помощью префикса *во-* и уникального суффикса *-а/си*, который возник в результате слияния одного слова с финалью другого.

В современной науке можно встретить и такое явление, при котором унификс исконного слова может оказаться корневой морфемой слова другого языка. Происходит это тогда, когда исконные слова образуются в современном русском языке на базе иностранных слов. Например, слово *финтифлюшка* экспрессивного характера образовано на базе двух немецких слов *Finten und Flausen* суффиксальным способом.

При анализе тех или иных слов с уникальными морфемами, в которых единичный аффикс переходит в корневую часть слова, иногда можно проследить морфемизацию первоначально незначимых звуковых отрезков, которые являются частью этимологического корня.

Таким образом, анализ структуры исконно русских слов с единичными аффиксальными частями с морфемной точки зрения при сопоставлении в

синхронии и диахронии свидетельствует о различном происхождении таких частей.

2.2. Уникальные морфемы в заимствованных словах

Осуществляя морфемный анализ заимствований, нужно учитывать разницу между членимостью слов в языке-источнике и заимствующем языке. Ряд исследователей придерживаются такой точки зрения, согласно которой «при лексическом заимствовании слово нередко теряет способность члениться на морфемы так, как оно членилось в языке-источнике» [Крысин 1975: 227], так как для большого количества иноязычных слов исходные, производящие слова находятся за пределами современного русского языка, являясь непроизводными в системе русского словообразования. В связи с этим морфемное строение анализируемых слов в языке-источнике не может указывать на структуру иноязычных слов в заимствующем языке. При появлении в языке иноязычных слов с некоторой однородностью в значении и структуре возможным становится морфемный анализ данных слов в морфологической системе языка, заимствовавшего их.

Большинство иностранных слов приобретают морфемную членимость в результате их одновременного или последующего заимствования или за счет наличия в русском языке слов с такой же корневой частью.

Причиной членимости слова является закон аналогии, действующий в языке: в результате проведения структурных и семантических параллелей между заимствованиями и другими словами родного языка части заимствованного слова рассматриваются как морфемы. Любое иноязычное слово при получении членимости в заимствующем языке участвует в процессе усложнения, т.е. в превращении ранее непроизводной основы в производную.

Заимствования с единичными морфемами по своему происхождению могут быть простыми и сложными словами в языке-источнике. В современном русском языке морфемный статус и границы единичной

морфемы и соответствующей части слова-прототипа могут совпадать и отличаться. В языке-источнике уникальная аффиксальная часть заимствующего языка может иметь различный статус в том случае, когда прототипом заимствованного слова будет простое производное слово. В отдельных случаях совпадают границы и аффиксальный статус уникальной морфемы заимствованного слова и соответствующего отрезка слова-прототипа. Например, в существительном *сюрреализм* (ср.: фр. *surréalisme*) при мотивации словом *реализм сюр-* будет являться по происхождению префиксом, синонимичным приставке *сверх-*. В современном русском языке выделенную часть можно признать уникальной, поскольку при сравнении анализируемого слова с существительными *сюрприз* и *сюрвейер*, этимологически содержащими аналогичный отрезок, последние окажутся немотивированными и нечленимыми.

Мотивированное словом *альянс* существительное *мезальянс* (ср.: фр. *mésalliance*) восходит к французскому языку, где *mes-* является приставкой, которая соответствует русской части слова *не-*. Подобная часть содержится в словах *мезоморфный*, *мезорельеф*, *мезостих*, *мезолит*, но при этом она носит корневой характер со значением «промежуточный». Поэтому *мез-* в слове *мезальянс* можно считать уникальной морфемой.

Слово *эрцгерцог* соответствует *Érzhertzog* немецкого происхождения. В данном слове при мотивации существительным *герцог* выделяется единичная часть *эри-*, которая в немецком языке является приставкой со значением «высшее звание, большей частью церковная степень». Таким образом, часть *эри-* в анализируемом слове будет являться префиксом, синонимичным части *архи-*.

В заимствованных словах могут выделяться и единичные суффиксы. Например, слово *рисунок* при мотивации заимствованным *рисовать* выделяет единичную суффиксальную часть *-унок*, соответствующую суффиксу *-unek* в *rysunek* польского происхождения. Границы выделенных частей слов в данном примере оказываются одинаковыми. Однако

морфемный характер единичной части в существительном *рисунок* признается немногими исследователями.

Единичная часть в слове *франц-уз* также является суффиксальной по происхождению. Н.М. Шанский утверждает, что «суффикс лица *-уз* в существительном *француз* определяется в своей семантике и разницей значений слов *Франция* и *француз*, и принадлежностью этого слова к большой группе этнонимических обозначений, имеющих в своем составе регулярные суффиксы лица (ср.: *иранец*, *норвежец*, *испанец* и т.п.)» [Шанский 1968: 143-144].

Иногда процесс переразложения некоторых иноязычных слов на русской почве, а также соотнесение их с различными основами в русском языке и в языке-источнике влекут за собой изменение характера членимости иноязычного слова в заимствующем языке. В таком случае происходит переоформление иноязычной аффиксальной части с учетом ее увеличения или сокращения. Например, существительное *архивариус*, соответствующее латинскому *archivarius*, образовано от слова *архив* с помощью суффикса *-arius*. Существительное *генералиссимус*, по мнению некоторых исследователей, в петровскую эпоху было заимствовано из немецкого языка, а восходит к латинскому. Единичный суффиксальный элемент *-иссимус* является суффиксом и этимологически. Суффиксальные части в указанных словах этимологически тождественны сочетанию суффикса и окончания в латинском языке. Отсюда следует, что границы этимологических и современных аффиксов данных слов не совпадают.

В ряде случаев суффиксальная часть заимствованного слова за счет производящей основы оказывается более протяженной в сравнении с аффиксом слова-прототипа. Например, в существительном *планишет* французского происхождения при мотивации словом *план* выделяется уникальная морфема *-шет*, соотносимая с французским уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ette-* (*planchette* < *planche*). Следовательно, аффикс *-шет* в слове *планишет* по форме и семантике не совпадает с суффиксальной

частью французского слова, поскольку захватывает часть производящей основы последнего, а это, в свою очередь, связано с некоторым переосмыслением значения существительного *планшет* в науке, а также с существованием у него в современном русском языке иных словообразовательных мотивационных связей.

По мнению некоторых исследователей, заимствованное существительное *аплодисменты* французского происхождения образовано от глагола *аплодировать* с помощью уникального суффикса *-исмент-*. В аналогичном французском существительном *applaudissements* выделяется часть основы *-iss-* при мотивации глаголом *applaudir* и суффиксальная часть *-(e)ment* со значением «результат действия». Отсюда следует, что суффикс заимствованного слова будет более протяженным, чем суффиксальная часть слова-прототипа.

Заимствованное слово из тюркских языков *казначей* в своем составе выделяет уникальный компонент *-ачей* суффиксального характера. Следует отметить, что в языке-источнике слово *казначы* образовано суффиксальным способом от *казна*. После падения редуцированных *казначы* на русской почве перешло в *казначии*, затем в *казначей* (ср.: имя *Сергий* перешло в *Сергей*). Приходим к выводу о том, что в анализируемом слове уникальный суффикс *-ачей* выделяется в результате фонетических изменений. Благодаря установлению словообразовательно-семантической связи с существительным *казна* произошло усложнение структуры слова *казначей*. Некоторые ученые не согласны с такой точкой зрения, отождествляя *-ачей* с суффиксом *-очей* в слове *книгочей*, имеющим иную этимологию.

В ряде случаев границы единичных морфем заимствованных слов являются более узкими, чем соответствующих аффиксов в словах-источниках заимствований. Например, в слове *чайхана* по соотношению со словом *чай* тюркского происхождения выделяется единичная часть *-хан-*, которую в современном русском языке уместно рассматривать в качестве суффикса со значением «место, помещение».

Таким образом, в современном русском языке характер уникальных морфем заимствованных слов соответствует их аффиксальному характеру в языке-источнике.

В редких случаях уникальная аффиксальная часть заимствованного слова может восходить к корню слова-источника заимствования. Так, в заимствованном существительном *палисад* французского происхождения выделяется уникальный компонент *пали-*, который по происхождению относится к разряду корневых морфем. Анализируемое слово восходит к прованс. *palissada*, которое, в свою очередь, образовано суффиксальным способом от *palissa*, восходящего к *pains* латинского происхождения. В сравнении с семантикой французского слова изменилось значение заимствования. При мотивации словом *сад* существительное *палисад* также имеет значение небольшого огороженного садика перед домом.

Итак, в заимствовании *палисад* корень французского слова стал осмысливаться как префикс *пали-* с пространственным значением (ср.: *при-* и *около-* в *привокзальный*, *присадник*, *околоземный* и т.д.), а суффикс слова-источника начал выступать в анализируемом слове в качестве корня *-сад-*.

Большинство заимствованных слов с единичными морфемами являются сложными по своему происхождению. Уникальные морфемы таких слов восходят к корневым частям в языке-источнике, однако в современном русском языке они могут быть корневого или аффиксального характера. В подобных случаях требуется отдельное рассмотрение вопроса о границах и статусе унификсов.

Таким образом, в процессе усложнения выделяются единичные части заимствованных слов. Слово, которое не членится при заимствовании, может вступать в новые словообразовательные отношения с одновременным заимствованным словом из одного (*казначей* и *казна*) или даже разных языков, если они воспринимаются как родственные, а также с одновременным заимствованным словом из одного языка-источника (*рисунок* и *рисовать*). Следует отметить, что в словообразовательные отношения

могут вступать заимствования и с исконно русскими словами (*палисад* и *сад* и т.д.).

В заимствованиях при установлении словообразовательных отношений на русской почве выделяются единичные морфемы с различной этимологией. Прототипом заимствованного слова с уникальной частью в языке-источнике может быть простое или сложное слово.

2.3. Уникальные корни и аффиксы в этимологически сложных исконно русских и заимствованных словах

При классификации корневых или аффиксальных морфем могут возникать трудности, связанные с так называемой стадией переоформления слов, т.е. когда они находятся в движении, утрачивая прежнюю и формируя новую членимость.

К такой группе слов относятся такие, например, как *бедокурить*, *бедолага*, *белобрысый*, *белокурый*, *вертопрах*, *верхотура*, *глухомань*, *долговязый*, *колошматить*, *курносый*, *лопоухий*, *однокашник*, *простофиля*, *рукомясло*, *рукопашный*, *сухопарый* и т.п. С этимологической точки зрения указанные слова делятся на три группы (*Рис. 1*).

<i>Бедокурить</i>	<i>глухомань</i>	<i>верхотура</i>
<i>бедолага</i>		
<i>рукопашный</i>		
<i>колошматить</i>		
<i>белобрысый</i>		
<i>белокурый</i>		
<i>долговязый</i>		
<i>курносый</i>		
<i>сухопарый</i>		
<i>лопоухий</i>		
<i>рукомясло</i>		

<i>вертопрах</i>		
<i>однокашник</i>		
<i>простофиля</i>		

Рис. 1

Первая из них представлена этимологически сложными словами, часть которых имеет глагольный корень. Например, глагол *бедокурить* в своем составе содержит часть *-кур-*, являющуюся корнем слова *курить* с диалектным значением «гулять, кутить». Существительное *бедолага* образовано путем сложения основ *бед-* и диалектного *лах-*.

От слова *рукопашь*, образованного сложением основы *рука* и устаревшего *пашь* с помощью соединительной *о*, возникло прилагательное *рукопашный* с помощью суффикса *-н-*.

Трудности возникают при выяснении этимологии глагола *колошматить*. По некоторым данным, он образован путем сложения части глагола *колотить* и устаревшего *иматить* польского происхождения со значением «рвать, трепать».

Другая часть слов имеет субстантивные этимологические корни.

Например, слово *белобрысый* возникло на основе словосочетания *белая бровь*, а *белокурый* – древнее сложение слов *белая* и *курь* («пыль»).

Путем сложения слов *долгий* («длинный») и *вяз* («шея») образовалось прилагательное *долговязый*. Слово *курносый* возникло в результате сложения основы прилагательного *корный* («короткий») и существительного *нос* (впоследствии *корноносый* > *корносый* > *курносый*). Подобным образом возникло прилагательное *сухопарый*. Путем сложения существительных *лоп* («лист») и *ухо* образовано прилагательное *лопоухий*.

Если признать, что существительное *рукодело* образовано путем контаминации слов *рукоделие* и *ремесло*, то его следует отнести к разряду сложных слов. Неоднозначна этимологическая трактовка существительного *вертопрах*. С одной стороны, данное слово образовано с помощью сложения основ *верт* от *вертеть* и *прах* со значением «мот, гуляка». С другой стороны, рассматриваемое слово возникло путем сложения отглагольной части *верт-* и церковнославянизма *прах* со значением «пыль», соответственно слово *вертопрах* родственно выражению *делать много шуму из ничего*.

Существует несколько мнений по поводу слова *однокашник*. Одни исследователи данное существительное связывают с буквальным словосочетанием *одной каши*, т.е. одного воспитания. Другие считают, что *однокашник* возникло на основе слова *каша* в значении «десяток или малое сообщество людей».

Слово *простофиля* со значением «бестолковый человек» образовано на основе имени собственного. Данное слово представляет собой сочетание компонентов *просто-* (ср.: *простолюдин*, *просторечие*, *простонародье*) и *филя* < *Филя* от *Филат*, *Филипп*. В устной народной речи не позднее XVIII в. слово *Филя* приобрело экспрессивно-бранное и презрительное значение дурачка, простачка (ср. *филя* – простак, простофиля, разиня), а разговорно-ироничное выражение *филькина грамота* – значение «невежественный; безграмотно составленный документ».

Вторая группа включает в себя слова, формально являющиеся сложными. Например, слово *глухомань* – это изменение существительного *глухмень* (образовано от *глухой* с помощью суффикса *-мень*) под влиянием глагола *манить*. Гласный *о* в анализируемом слове возник на основе подобных сложных слов с *о/е*.

В состав третьей группы входят слова, которые рассматриваются то как сложные, то как простые в связи с существованием неоднозначных этимологических объяснений. Слово *верхотура* может рассматриваться как сложное (*верхо* часто о верхнем течении рек, ср.: *Верхотурье* – «на верхней Турье») и как простое, которое образуется от устаревшего *верхота* с помощью суффикса *-ура*.

При синхронном морфемном анализе данные слова с позиции их членимости признаются сложными: *сух-о-мят-к-а*, *глух-о-мань*, *горл-о-пан* и простыми с уникальной аффиксальной частью: *чист-оган*, *глух-омань*; *бел-обрыс-ый*, *бел-окур-ый*, *колче-ног-ий*, *кур-нос-ый*, *ло-по-ух-ий*.

В современном русском языке большинство данных слов сохраняют свою мотивированность. Например, существительное *бедолага* мотивируется словом *беда* в значении «несчастье, горе». Слова *белобрысый* и *белокурый* образованы от прилагательного *белый* в значении «светловолосый, со светлой кожей». Слово *верхотура* мотивировано существительным *верх*; *глухомань* – прилагательным *глухой*; *горлопан* – существительным *горло*; *колошматить* – глаголом *колотить*; прилагательные *колченогий*, *курносый*, *лопоухий* – существительными *нога*, *нос*, *ухо*; *рукомесло*, *рукопашный*, *рукоять* – существительным *рука*. Слово *однокашник* мотивируется словом *один*. Существительное *простофиля* мотивируется прилагательным *простой* в значении «недалекий, наивный»; слова *сухомятка* и *сухопарый* – прилагательным *сухой* в первом случае со значением «лишенный необходимой влаги», во втором – «худощавый, с мышцами, лишенными лишнего жира». Некоторые сомнения вызывает мотивация прилагательного *долговязый* словом *долгий* в значении «длинный», так как последнее является

устаревшим. Ослабленной представляется мотивация существительного *вертопрах* глаголом *вертеть(ся)*.

Рассматриваемые слова следует признать мотивированными в синхронном и диахронном аспектах. Но в настоящее время у этимологически сложных слов мотивированной оказывается лишь одна из частей. Некоторые исследователи подобные слова называют полумотивированными.

В синхронном плане данные слова могут относиться к сложным, если один из их корней уникален, или к простым с единичной аффиксальной частью, если у них имеются семантические аналоги среди синхронически сложных или простых аффиксальных слов и если у нерегулярных морфем бывших сложных слов имеются синонимичные корневые или аффиксальные части.

Нередко возникают трудности при определении характера уникальной части заимствованного слова, если в качестве источника заимствования выступает сложное слово. В данном случае используют семантические и структурно-функциональные критерии разграничения корневых и аффиксальных морфем.

Например, в современном русском языке возможно семантическое соотнесение заимствованных частей с некоторыми синонимичными исконными словами: *транс-* и *за, через*; *суб-* и *под*; *пост-* и *после*; *супер-* и *очень, чрезвычайно* (ср.: *супермодный* и *очень модный*), а также установление семантической аналогии между уникальными морфемами заимствований и аффиксами русского языка. Если подобная аналогия отсутствует, то уникальная часть скорее будет носить корневой характер.

Уникальные части слов *голкипер, культуртрегер, патронташ, почтамм, рольганг, циферблат* носят аффиксальный характер, поскольку в современном русском языке имеют аффиксальные аналоги.

В русском языке в слове *патронташ* выделяется уникальный суффикс *-таш* со значением вместилища, который этимологически соответствует второму корню немецкого слова *Patrontasche*, образованного путем сложения

слов *Patron* и *Tasche*. Аналогичным образом выделяется уникальный элемент *-амт* со значением места в слове *почтамт*, которое восходит к немецкому *Postamt*, образованному путем сложения слов *Post* и *Amt*.

Существительное *циферблат* соответствует немецкому сложному слову *Zifferblatt*. При мотивации словом *цифра* в *циферблат* выделяется уникальный компонент *-блат* со значением места. В данном слове единичную часть можно признать суффиксом по семантической аналогии с суффиксами в *колоколь-н-я*, *салат-ник*, *пожар-ищ-е*.

Мотивированное в русском языке словом *гол* существительное *голкипер* с уникальным суффиксом *-кипер* соответствует *goal-keeper* («цель» и «хранитель») английского происхождения. Часть *-кипер* совпадает с целым словом, входящим в состав *goal-keeper*, и рассматривается как синонимичная суффиксам *-щик* в *каменищик* и *-арь* в *вратарь*. В слове *культуртрегер* со значением «носитель культуры» выделяется единичная суффиксальная часть *-трегер*, которая восходит к слову *Träger* в составе немецкого сложного слова *Kulturträger*.

У нерегулярной части *-ганг* в слове *рольганг*, соответствующем немецкому *Rollgang* с тем же значением, имеется суффиксальный статус при мотивации существительным *ролик*.

Если в современном русском языке невозможно найти для уникальных морфем заимствованных слов семантические аналоги среди аффиксальных частей, то единичные морфемы скорее будут иметь корневой характер. Так, в слове *банкноты* английского происхождения при мотивации существительным *банк* выделяется единичная часть *-нот*, соответствующая английскому слову *note* со значением «записи».

В слове *кунсткамера* при мотивации существительным *камера* выделяется часть *кунст-*, которая соответствует целому немецкому слову *Kunst*. Таким образом, часть *кунст-* в анализируемом слове необходимо отнести к уникальному корню. Аналогичным образом возникло заимствованное из турецкого языка слово *косхалва*, в котором нерегулярная

часть *кос-* восходит к целому слову *koz* и в русском языке вероятнее всего является уникальным корнем.

В некоторых случаях заимствованные слова соотносятся с целым словосочетанием языка-источника. Например, существительное *бельэтаж* восходит к французскому словосочетанию *bel étage*. Отсюда следует, что компонент *бель-* соотносится с целым французским словом *bel* в составе словосочетания. Часть *бель-* следует признать уникальным префиксом, во-первых, потому что в современном русском языке в словах *балетристика*, *белладонна*, *бельведер*, *бельканто* данная часть не выделяется, во-вторых, благодаря наличию соответствующей приставки *над-* в слове *надводный* или *супер-* в *супермодный*.

При морфемном анализе слова *вабанк* французского происхождения выделяется уникальный префикс *ва-*, который восходит к глаголу *aller* со значением «идти» (на весь банк). В силу того, что в современном русском языке невозможно данной части найти аффиксальные аналоги, она относится к корневым морфемам.

Два первых слова французского словосочетания *corps de ballet* в существительном *кордебалет* воспринимаются как единое целое. В немотивированных заимствованиях *корволант* (*corps + volant*) и *кордегардия* (*corps de garde*) компонент *corps* не выделяется, поэтому часть *корде-* при мотивации анализируемого слова существительным *балет* признается уникальной корневого характера, так как не имеет семантических аффиксальных аналогов в современном русском языке.

К французскому словосочетанию *mise en scène* восходит существительное *мизансцена*, уникальный компонент *мизан-* которого дублирует часть словосочетания и осознается так же, как и в предыдущем примере, корневой морфемой.

2.4. Изучение слов с уникальными морфемами в школе

При изучении морфемки и словообразования на уроках русского языка учителю необходимо обращать особое внимание на структуру слов с уникальными компонентами.

Работу с единичными морфемами на уроке русского языка можно организовывать различными способами. Например, можно записать на доске несколько слов с уникальными морфемами: *детвора, синева, жених, новичок, курносый, белокурый, письмо, годовалый, любовь, пастух* и т.д., затем предложить ученикам подобрать к ним однокоренные слова.

Детвора – дети, детский, детки.

Синева – синь, синий, синеть.

Жених – жена, жениться, женатый.

Новичок – новый, обновка, новинка, новшество.

Курносый – нос, носатый, носик.

Белокурый – белый, белеть, побелка, беленький.

Письмо – писать, написанный, записка, надпись, запись.

Годовалый – год, годовой, годок, ежегодный.

Любовь – любить, любимый, любимчик, излюбленный, любящий, влюбиться.

Пастух – пасти, пастбище, пастушок, пастушья, пасущий.

В результате проделанной работы обучающиеся должны прийти к выводу о том, что в современном русском языке есть слова, в которых при морфемном и словообразовательном разборах можно выделить нерегулярные части, встречающиеся либо в одном слове, либо в однокоренных.

В качестве домашней работы учитель может предложить дифференцированное задание:

1. Заключается в поиске художественных текстов, в которых встречаются вышеуказанные слова с уникальными морфемами;
2. Связано с созданием карточек с толкованием вышеуказанных слов с единичными компонентами.

Детвора, отвыкшая от школьной дисциплины, бесшабашно носилась по коридорам, съезжала верхом по перилам большой лестницы. (Б.Л. Горбатов. «Мое поколение»);

*Был он (мальчик) по пояс мокрый, бледен до **синевы**, но улыбался.* (М. Горький. «Детство»);

*Прошло две недели – и я под венцом с Сергеем Волконским стояла. Не много я знала его **женихом**. Не много и мужем узнала.* (Н.А. Некрасов. «Русские женщины»);

*В деревне **новичков** встречают неприветливо.* (А.П. Чехов. «Моя жизнь»);

*Склад его лица напоминал Сократа: такой же высокий, широковатый лоб, ...такой же **курносый** нос.* (И.С. Тургенев. «Хорь и Калиныч»);

*Из брички вылезали двое каких-то мужчин: один **белокурый**, высокого роста, другой немного пониже, чернявый.* (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»);

*Домой я писал каждую неделю и каждую неделю получал самые нежные **письма** от матери.* (С.Т. Аксаков. «Воспоминания»);

*– Узнал! – сказала Татьяна, в представлении которой, как и каждой матери, ее **годовалый** сын был уже сознательным человеком.* (Ф.И. Панферов. «Борьба за мир»);

*Люблю отчизну я, но странною **любовью!** Не победит ее рассудок мой.* (М.Ю. Лермонтов. «Родина»);

*На другом конце деревни **пастух** заиграл в рожок и медленно стал приближаться, гоня все увеличивающееся стадо.* (В.Г. Короленко. «Смирненные»).

Детвора – маленькие дети.

Синева – синеватый оттенок чего-либо.

Жених – мужчина, вступающий в брак.

Новичок – человек, недавно занимающийся чем-либо.

Курносый – имеющий короткий и вздёрнутый нос.

Белокурый – имеющий светлые волосы.

Письмо – написанный текст, посылаемый кому-нибудь для сообщения чего-либо.

Годовалый – в возрасте одного года.

Любовь – глубокая привязанность и устремлённость к другому человеку или объекту.

Пастух – человек, пасущий скот.

Помимо уникальных префиксов и суффиксов школьники под руководством учителя смогут выделить в словах единичные корни и окончания. Для этого необходимо предложить учащимся изменить по падежам вопросительные местоимения *кто* и *что*, выделяя на письме окончания.

И.п. к-то, ч-то

Р.п. к-ого, ч-его

Д.п. к-ому, ч-ему

В.п. к-ого, ч-то

Т.п. к-ем, ч-ем

П.п. о к-ом, о ч-ём

Выполнив это задание, школьники увидят, что в данных словах необычные корни, которые представлены одной согласной буквой *к / ч*, и уникальное окончание *то* в именительном падеже у местоимения *кто* и в именительном и винительном – у местоимения *что*.

Изучение морфемики и словообразования в школе имеет важное значение в развитии лингвистических способностей у обучающихся. Работа, связанная с анализом слов с единичными частями, помогает школьникам заглянуть в глубины не только лексических значений слов, но и погрузиться в семантику уникальных морфем, что способствует более осознанному усвоению процессов языка и развитию языкового чутья.

Характер представленных в данном исследовании заданий побуждает школьников обращать особое внимание на особенности образования слов с

уникальными частями в современном русском языке, а также на границы и морфемный статус последних.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Слова с единичными частями исконного происхождения делятся на несколько групп в связи с соответствием их современного и этимологического состава.

1. Слова, единичные компоненты которых совпадают с границами и морфемным статусом этимологических частотных морфем. В таких случаях унификсы могут иметь как префиксальный (*му-сор, кур-носый*), так и суффиксальный (*жен-их, син-ев-а* и др.) характер. В современном русском языке подобные уникальные морфемы появляются благодаря архаизации (*выкрут-ас-ы, ср.: устар. закрут-ас-ы*) или опрощению (*свекр-овь, ср.: церковь, морковь*) тех слов, которые имеют в своем составе тождественные части, впоследствии теряющие свою продуктивность. Также причиной появления единичных частей слов могут быть и фонетические изменения (*четвер-г*). В некоторых случаях может происходить процесс декорреляции, представляющий собой изменение семантики уникальной части слова путем замены производящего слова, но при этом морфемный статус и этимологические границы унификса сохраняются (*бель-м-о, выкрут-ас-ы, люб-овь, паст-ух*).

2. Слова, единичные морфемы которых своими границами отличаются от соответствующих этимологических частей, но сохраняют свой морфемный статус, который был и раньше. Подобные единичные морфемы могут быть как префиксами (*зако-ул-ок*), так и суффиксами (*год-овал-ый, дуб-рав-а, мел-юзг-а, наг-ишом* и т.д.). В результате переразложения, которое связано с архаизацией производящего (ср.: *год-овал-ый* и *годовать, зл-ыдень* и *злыда, нагишом* и *нагиш, нов-ичок* и *новик* и т.д.), а иногда с изменением его семантики (ср.: *особ-няком* и *особняк*) происходит изменение границ, а в некоторых случаях семантики этимологических частей слов. Таким образом,

в словообразовательные отношения с другими словами вступает производное слово, в котором выделяются уникальные компоненты, представляющие собой сочетание двух и более этимологических аффиксов (*скуп-ердяй*). В таких случаях возникновение единичных частей слов зависит от фонетических процессов, происходящих в слове (*гол-ытьб-а* и т.д.).

3. Слова, унификсы которых отличаются от соответствующих этимологических морфем своим статусом и границами. В таком случае выделяемые единичные суффиксы (*дур-алей, стекл-ярус*) и префиксы (*му-сор, ши-ворот*) являются уже не аффиксами, а восходят к корневым морфемам простых (*му-сор, дур-алей*) и сложных (*ши-ворот, стекл-ярус*) слов. Под влиянием перераспределения и фонетических изменений в слове (*ши-ворот*) происходит морфемизация звукового компонента, который прежде числился незначимым.

Нерегулярные части слов могут возникать благодаря непрямой связи фонетических, словообразовательных, лексико-семантических и стилистических факторов.

В современном русском языке также можно выделить несколько групп заимствований, но в том случае, если их прототипом является простое слово, в котором границы и морфемный статус унификса и соответствующей части языка-источника могут как совпадать, так и не совпадать.

1. Слова, единичные морфемы которых по своему статусу и границам совпадают с соответствующими частями слов языка-источника. В таком случае унификсы тяготеют к префиксам (*мезальянс, сюр-реализм, эри-герцог*) или суффиксам (*клей-стер, рис-унок, франц-уз*). Значение же уникальных морфем чаще всего соответствует семантике частей-прототипов в языке-источнике. Границы и морфемный статус единичных частей заимствований могут совпадать с соответствующими иноязычными морфемами. Это связано с тем, что словообразовательные взаимодействия заимствований с их производящими отражают аналогичные связи слов-прототипов в языке-доноре.

2. Слова, единичные компоненты которых имеют одинаковый морфемный статус с соответствующими частями слов в языке-источнике, но отличаются от них своими границами. В таком случае нерегулярные морфемы заимствованных слов чаще всего будут более протяженными за счет производящей основы слова-прототипа (*аплод-исменты, план-шет*) и рядом находящихся словоизменительных морфем (*архив-ариус, генерал-иссимус*), однако иногда подобные уникальные морфемы могут быть и менее протяженными (*чай-хан-а*). Таким образом, в анализируемых словах перераспределяется морфемный материал в сравнении с соответствующими словами языка-источника, т.е. происходит процесс переразложения, связанный с изменением значения уникальной морфемы заимствованного слова в сравнении с семантикой части-прототипа (*планшет*) и часто сопровождаемый фонетическими изменениями в заимствовании (*казначей*).

3. Слова, единичные компоненты которых своими границами и статусом не совпадают с соответствующими частями слов языка-источника. Отсюда следует, что, например, уникальные префиксы переходят в разряд корневых иноязычных морфем (*пали-сад*) и при этом отличаются от них по значению и форме.

Единичные морфемы могут восходить к корневым частям слов языка-источника тогда, когда прототипами заимствований являются сложные слова. Проблема же, связанная с границами и статусом данных унификсов, требует отдельного рассмотрения.

В синхронии слова, которые имеют по своему морфемному составу спорную членимость, делятся на несколько групп.

Первая представлена сложными (как в диахронии, так и в синхронии) словами, которые имеют в своем составе две или более корневых части, одна из которых нерегулярная. В эту группу входят слова с единичными морфемами, имеющими корневые аналоги с точки зрения семантики в сложных словах (синхронически); ср.: *бел-о-кур-ый* и *светл-о-волос-ый*, *кур-нос-ый* и *коротк-о-ног-ий*, *лоп-о-ух-ий* и *больш-е-рот-ый*, *колч-е-ног-ий* и

хром-о-ног-ий, одн-о-каш-ник и одн-о-класс-ник.

Уникальные корневые части некоторых слов имеют аналоги с формальной точки зрения, т.е. тождественные по форме активные корни в других словах. Но следует отметить, что в таких случаях между корневыми частями чаще всего отсутствует семантическая связь (*белокурый, курносый и куры*). Существительное *сух-о-мят-к-а* также является сложным словом. В нем сохранена формальная и слабая семантическая связь с глаголом *мять*, следовательно, корневая часть *-мят-* анализируемого слова не будет относиться к разряду уникальных.

Вторая группа включает в себя простые слова с единичными аффиксальными частями, которые в современном русском языке соответствуют семантическим аффиксальным аналогам: *бед-окури-ть* (ср.: *мусор-и-ть, дым-и-ть*), *бед-олаг-а* (ср.: *гор-юн*); *верт-опрах* (ср.: *верт-ун, гул-як-а*); *верх-отур-а* (ср.: *верш-ин-а*).

Часть *-кури(ть)* в глаголе *бедокурить* и *-тур-* в существительном *верхотура* имеют корневые аналоги в составе других словах (ср.: *кури(ть), тур*), но семантическая связь при этом отсутствует. В синхроническом и диахроническом аспектах данные части слов омонимичны. Путем утраты корневой семантики анализируемых морфем возникла другая, характерная для аффиксальных частей слов.

Сложные слова могут переходить в разряд простых при утрате ими семантической связи с бывшими этимологически родственными производящими (*вертопрах – прах, осточертеть – сто, простофиля – Филя, стремглав – глава, сухопарый – пар*).

В синхронном аспекте проанализированные этимологически сложные слова неоднородны. Некоторые из них переходят в группу простых слов с уникальными аффиксами, будучи с регулярными корневыми частями. А ряд других этимологически сложных слов содержат в своем составе единичные морфемы, сохраняющие ослабленную семантическую связь с этимологическим корнем или имеющие в синхронически сложных словах

корневые синонимы. Отсюда следует, что данная уникальная морфема несет в себе историческую семантику корня.

В зависимости от морфемного статуса единичных унификсов заимствования делятся на несколько групп.

Первая из них представлена словами с единичными морфемами суффиксального характера, соответствующими корням или словам, входящим в состав сложных слов языка-источника, и имеющими в современном русском языке аффиксальные семантические аналоги (*голкипер, патрон-таш, почт-амт*).

Во вторую группу входят заимствования, уникальные морфемы которых в современном русском языке не имеют аффиксальных семантических аналогов. Таким образом, в связи с отсутствием последних единичные части таких слов будут носить скорее корневой, нежели аффиксальный характер, но также по своему происхождению могут соответствовать либо целым словам в составе сложных (*кос-халва, кунсткамера*), либо словосочетаниям (*бель-этаж, ва-банк*) в языке-источнике.

Единичные корневые морфемы могут возникать в результате переразложения на стыке нескольких слов языка-донора (*корде-балет, мизан-сцена, туалъденор*).

Таким образом, вопрос о статусе уникальных морфем слов, о их квалификации как корневых или аффиксальных решается в современном русском языке с учетом семантических связей и сходства тождественных по форме частей слов в системе языка, т.е. благодаря парадигматическому критерию. На уроках русского языка в школе подобного рода слова должны составлять объект изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной науке решение вопросов, связанных с существованием нерегулярных частей слов, во многом зависит от позиций исследователей в отношении морфемы как единицы языка.

Признать морфемы уникальными можно только в тех случаях, когда анализируемые формально-семантические единства занимают позицию с одной и той же частью слова производящей основы, а признак повторяемости не является основным морфемным признаком.

Большинство исследователей разделяют такую точку зрения, согласно которой уникальные части слов отличаются от неуникальных характером значения и методом его установления.

Одни ученые считают, что значение единичных морфем определяется путем семантического вычитания и в таком случае является предельно конкретным, а другие придерживаются такой точки зрения, согласно которой семантика подобных частей слов будет неопределенной, чтобы квалифицировать ее как типизированную, морфемную. Однако подобные уникальные части обладают аффиксальной семантикой той или иной степени абстракции, а также морфемным статусом, так как между единичными и другими частями слов существуют системные, синонимические отношения.

Наиболее проблематичным является выделение уникальных корневых частей в непроизводных словах, что связано с критериями морфемной членимости слова. Подобное выделение возможно только тогда, когда непроизводные слова будут члениться в результате их сопоставления с другими словами с тождественными формальными и семантическими аффиксами.

Выделение же уникальных аффиксальных частей возможно, если слова будут члениться на основе их словообразовательных связей с другими словами. Корневые морфемы в таких случаях окажутся уникальными только в производных, сложных словах.

Единичные части слова различного характера выделяются под действием лексико-семантических, словообразовательных, стилистических и фонетических факторов.

В составе исконно русских слов и заимствований нерегулярные части чаще всего возникают в процессе морфемизации незначимых прежде звуковых отрезков при сопоставлении их с неуникальными корневыми или аффиксальными морфемами, а в некоторых случаях с целыми словами или словосочетаниями.

В исконно русских словах уникальные части возникают в результате утраты активности неуникальными морфемами, в процессе архаизации, опрощения соотносительных слов с тождественными частями, а также путем декорреляции и переразложения, связанного, в свою очередь, с фонетическими изменениями, архаизацией производящих слов и значений, с изменением семантической соотносительности производящих и производных.

В заимствованиях единичными морфемами будут значиться те части, которые появляются в результате процесса переразложения или усложнения.

В данных группах слов унификсы по своему статусу и границам могут различаться и совпадать с этимологическими предшественниками. Чтобы установить статус уникальных морфем в настоящем и прошлом, можно воспользоваться синхронно-диахронным методом при их анализе.

Проблемы могут возникнуть при установлении корневого или аффиксального статуса уникальной морфемы в том случае, если последняя выделяется в этимологически сложном исконно русском или заимствованном слове.

Чтобы разграничить уникальные корни и аффиксы, можно воспользоваться парадигматическим критерием. Если у единичной морфемы имеются семантические аналоги, синонимы среди продуктивных аффиксальных частей слов, то данная морфема будет обладать аффиксальным статусом, в противном случае – корневым. Данный момент

следует учитывать также при изучении морфемики и словообразования на уроках русского языка в школе.

Единичные морфемы имеют различное происхождение и являются реальным периферийным фактом системы частей слов.

В современном русском языке невозможно установить точный состав уникальных компонентов. Связано это, прежде всего, с неоднозначными взглядами и подходами исследователей к выделению и отождествлению морфем, к установлению их значения. На статус, границы уникальных морфем, а также на их характер влияют различные лексические и словообразовательные факторы, в настоящее время нуждающиеся в разъяснении и систематизации. Прежде всего это относится к уникальным корням слов.

С течением времени меняется инвентарь периферийных компонентов системы частей слов. Во-первых, это связано с подвижностью уникальных морфем, заключающейся в способности последних приобретать статус регулярных за счет участия в образовании новых слов и получения продуктивности. Во-вторых, в современном русском языке может происходить и обратный процесс, связанный с переходом регулярных морфем в разряд уникальных. В связи с этим необходимо уточнять состав уникальных морфем на всех этапах последующего развития языка с учетом принципов научного анализа, отражающих состояние лингвистики.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики [Краткий очерк] / Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
2. Артемов А.М., Лопатин В.В., Тихонов А.Н. О некоторых актуальных проблемах русского словообразования / А.М. Артемов, В.В. Лопатин, А.Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – Ч. 1. – С. 288-296.
3. Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке / Н.Д. Арутюнова. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 151 с.
4. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.
5. Богданов С.И. Собственно морфемный анализ и морфологическая интерпретация структурно элементарной лексики русского языка: дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.И. Богданов. – Л., 1984а. – 220 с.
6. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 354 с.
7. Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку / В.А. Богородицкий. – М.: Учпедгиз, 1939. – 224 с.
8. Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернатив / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963б. – Т. 1. – С. 265-397.
9. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей / Т.В. Булыгина. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
10. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М.: Госучпедгиз, 1959. – 623 с.
11. Вардуль И.Ф. Морфема в типологическом исследовании / И.Ф. Вардуль // Морфема и проблемы типологии. – М.: Наука, 1991. – С. 6-85.

12. Виноградов В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
13. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 166-220.
14. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419-442.
15. Гимпелевич В.С. О морфемном анализе слова / В.С. Гимпелевич // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972б. – Ч. 2. – С. 197-199.
16. Гимпелевич В.С. О членимости заимствованных слов в русском языке / В.С. Гимпелевич // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 192-198.
17. Гинзбург Е.Л. Слово как членимое единство или как комбинация морфем? / Е.Л. Гинзбург // Вопросы грамматики. – Пермь, 1972. – № 243. – С. 44-57.
18. Головин В.Г. Принципы выделения словообразовательных частей слов и их характеристика: Дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В.Г. Головин. – СПб., 1991. – 291 с.
19. Гринберг Д. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Д. Гринберг // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. III. – С. 60-94.
20. Докулил М. Структура постосновного словообразовательного форманта [к суффиксальной и безаффиксной деривации в славянских языках] / М. Докулил // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 26-33.
21. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 1996. – 640 с.

22. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
23. Зятковская Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка / Р.Г. Зятковская. – М.: Просвещение, 1971 – 181с.
24. Калайдович И.О. Грамматика русского языка. Ч. I. Познание слов / И.О. Калайдович. – М.: Университет. тип., 1834. – 102 с.
25. Ковалик И.И. Аффиксы и их роль в словообразовательном гнезде / И.И. Ковалик // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1982. – С. 232-234.
26. Кодухов В.И. О формообразующей основе / В.И. Кодухов // Вопросы языкознания: Учен. зап. – Л., 1963. – С. 41-49.
27. Кодухов В.И. Словообразовательный ярус и словообразовательная модель / В.И. Кодухов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978. – С. 44-47.
28. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке / Н.В. Крушевский. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1883. – 151 с.
29. Крысин Л.П. Ступени морфемной членимости иноязычных слов / Л.П. Крысин // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 227-231.
30. Кубрякова Е.С. О понятиях синхронии и диахронии / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 3. – С. 112-123.
31. Кубрякова Е.С. О типах морфологической членимости, квази-морфах и маркерах / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1970. – № 2. – С. 78-90.
32. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка / А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 1986. – 1136 с.
33. Кузнецова А.И. Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфематики: [На материале русского языка]: дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.И. Кузнецова. – М., 1988а. – 371 с.

34. Леонович В.Л. Слова с элементами латинского происхождения в современном русском языке: дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.Л. Леонович. – Минск, 1993. – 195 с.
35. Лихтман Р.И. Трудные вопросы словообразования [на материале русского литературного языка] / Р.И. Лихтман. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. – 180 с.
36. Лопатин В.В. О двух этапах морфемного членения слова / В.В. Лопатин // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975б. – С. 45-52.
37. Лопатин В.В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков / В.В. Лопатин // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987б. – С. 48-53.
38. Лопатин В.В. [Рецензия] / В.В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1975в. – № 2. – С. 153-156.
39. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1977. – 316 с.
40. Максимов В.И. Структура и членение слова / В.И. Максимов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 148 с.
41. Маслов Ю.С. К семантической типологии морфем / Ю.С. Маслов // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I-VIII. – М.: Наука, 1978. – С. 5-18.
42. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И.Г. Милославский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 296 с.
43. Милославский И.Г. Сложение семантических элементов различных типов в структуре русского слова / И.Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 76-85.
44. Михайлов М.А. Вопросы морфологического анализа [проявление выделимости морфем в деривационных процессах] / М.А. Михайлов. – Варшава-Вроцлав, 1976. – 118 с.

45. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование / В.Н. Немченко. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994б. – 296 с.
46. Обратный словарь русского языка. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 944 с.
47. Павский Т.П. Филологические наблюдения над составом русского языка / Т.П. Павский. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1850. – 335 с.
48. Панов М.В. Изучение состава слова в национальной школе / М.В. Панов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. – 154 с.
49. Панов М.В. О наложении морфем / М.В. Панов // Вопросы филологии: Учен. зап. – М., 1969. – № 341. – С. 274-282.
50. Панов М.В. Позиционная морфология / М.В. Панов. – М.: Наука, 1999. – 275 с.
51. Пастушенков Г.А. Префиксальные глаголы отглагольного образования / Г.А. Пастушенков // Деривационные отношения в лексике русского языка. – Тверь, 1991. – С. 4-16.
52. Пастушенков Г.А. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование / Г.А. Пастушенков. – Тверь, 1998. – 116 с.
53. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
54. Покровский М.М. Материалы для исторической грамматики латинского языка / М.М. Покровский // Ученые записки. – М., 1899. – Вып. 25. – 277 с.
55. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потехня. – М.: Госучпедгиз, 1958. – Т. 1-2. – 536 с.
56. Рацибурская Л.В. Словарь уникальных морфем современного русского языка / Л.В. Рацибурская. – М.: Наука, 2009. – 160 с.
57. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. – М.: Рус. яз., 1991. – 800 с.

58. Словарь иностранных слов / Под ред. Ф.Н. Петрова и др. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – 784 с.
59. Смирницкий А.И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ / А.И. Смирницкий // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1948. – Вып. V. – С. 21-32.
60. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1981. – 560 с.
61. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
62. Степанова М.Д. Структура слова и анализ по непосредственно составляющим [на материале современного немецкого языка] / М.Д. Степанова // Проблемы морфологического строя германских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 15-25.
63. Стецко П.В., Яцкевич Л.Г. О формальной и семантической структуре частных парадигм в морфологии и словообразовании / П.В. Стецко, Л.Г. Яцкевич // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1982. – С. 74-77.
64. Тимофеев К.А. Морфемика, словообразование, словопроизводство / К.А. Тимофеев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. – 68 с.
65. Тихонов А.Н. Морфема как значимая часть слова / А.Н. Тихонов // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – 1971. – № 6. – С. 39-52.
66. Тихонов А.Н. Морфемный состав и словообразовательная структура слова в русском языке / А.Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975а. – Ч. I. – С. 7-13.
67. Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования / А.Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1985а. – Т. 1. – С. 18-52.
68. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И.С. Улуханов. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

69. Улуханов И.С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка / И.С. Улуханов // Исследования по историческому словообразованию: Сб. науч. докл. – М., 1994б. – С. 3-16.
70. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. III / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
71. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение / Ф.Ф. Фортунатов // Избранные труды. – М.: Госучпедгиз, 1956. – Т. I. – С. 21-197.
72. Цыганенко Г.П. Состав слова и словообразование в русском языке / Г.П. Цыганенко. – Киев: Рад. школа, 1978. – 152 с.
73. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 310 с.
74. Шанский Н.М. Эвристические задачи по морфемике и словообразованию / Н.М. Шанский // Русский язык в школе. – 1993. – № 6. – С. 35-43.
75. Ширшов И.А. Границы словообразовательного гнезда / И.А. Ширшов // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. – 1996а. – № 5. – С. 43-54.
76. Ширшов И.А. Типы производности слов в русском языке / И.А. Ширшов // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. – 1997. – № 5. – С. 55-65.
77. Янко-Треницкая Н.А. Флексии базового слова в морфологически выводимой основе / Н.А. Янко-Треницкая // Вопросы филологии. – М.: 1969. – № 341. – С. 383-389.
78. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования / М.Н. Янценецкая. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979б. – 242 с.
79. Янценецкая М.Н. Слова нетиповой структуры и их место в словообразовательной системе языка / М.Н. Янценецкая // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1980. – С. 58-62.